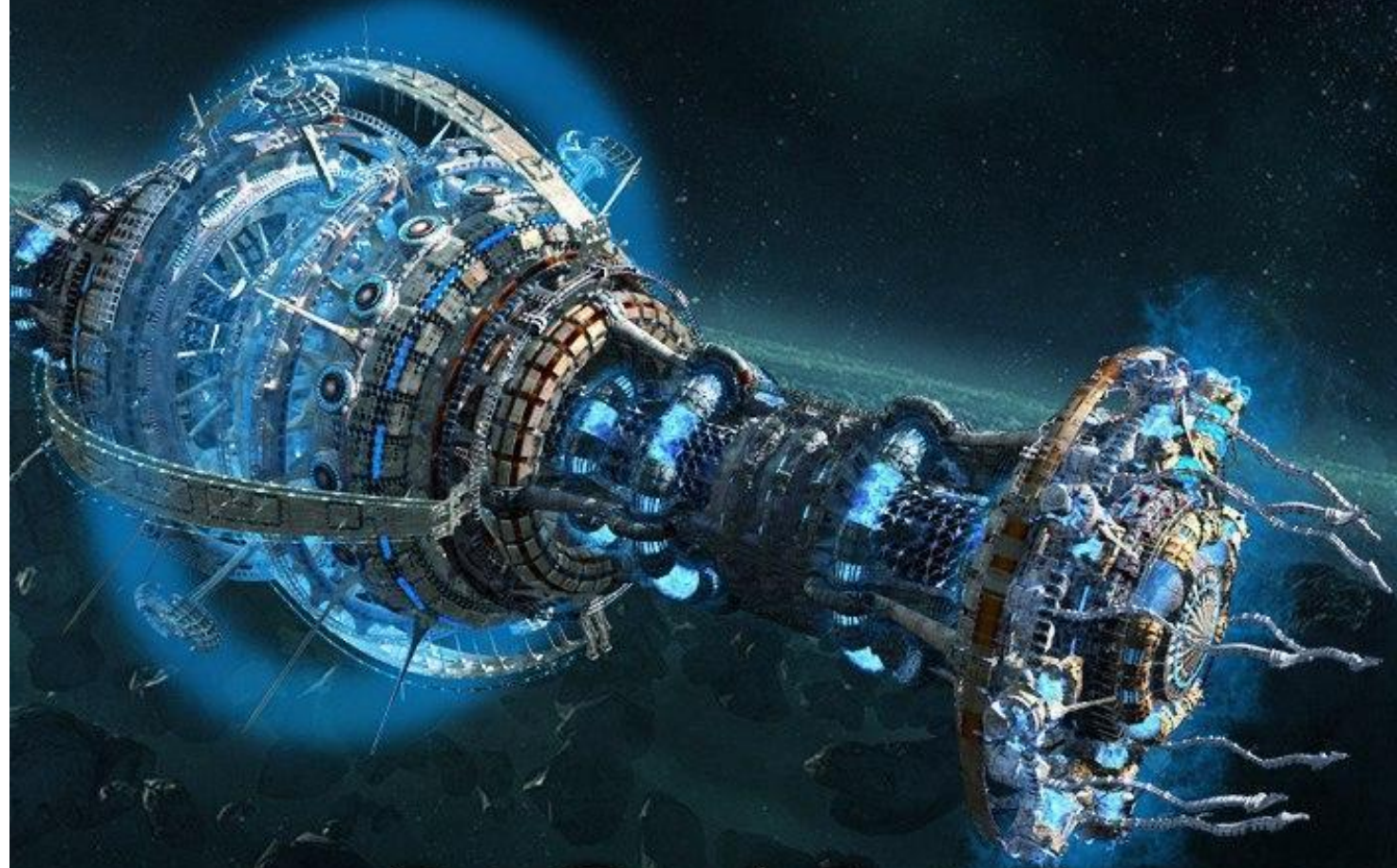

ИСТОРИЯ ВСЕЛЕННЫХ

АНДРЕЙ
ЛИВАДНЫЙ

ЗОНА
КОНТАКТА

Экспансия. История Вселенных

Андрей Ливадный

Зона Контакта

«Автор»

2015

Ливадный А. Л.

Зона Контакта / А. Л. Ливадный — «Автор»,
2015 — (Экспансия. История Вселенных)

ISBN 978-5-699-78999-3

Корабль пришельцев, обладающий невероятной способностью превращать любое материальное тело в губительную энергию, одну за другой уничтожал станции Рубежа вместе с их экипажами. Над Галактикой, ставшей домом для многочисленных цивилизаций и рас, нависла смертельная угроза. Глава могущественной корпорации «Прометей» Егор Бестужев пришел к выводу, что чужаки появились из иной Вселенной. Знал ли он, снаряжая корабли для сражения с ними, сколько злоключений выпадет на долю его отважной дочери Мишель, невольно втянутой в это опаснейшее противостояние...

ISBN 978-5-699-78999-3

© Ливадный А. Л., 2015

© Автор, 2015

Содержание

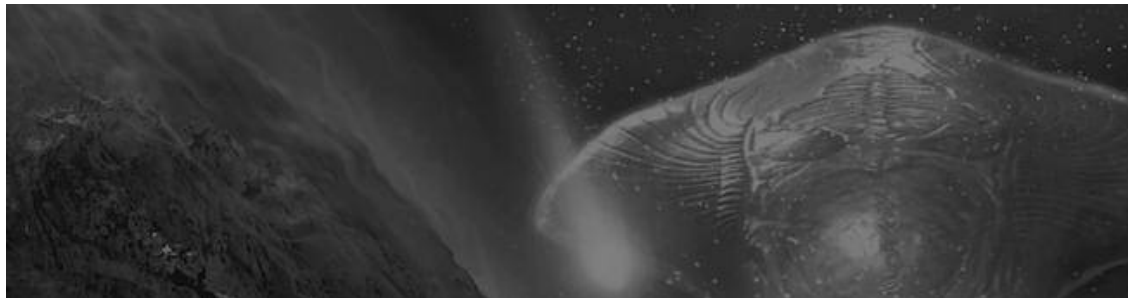
Глава 1	6
Глава 2	24
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Андрей Львович Ливадный

Зона Контакта

© Ливадный А., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Глава 1

Рубеж. Система Нерг. Станция Н-болг – узел древней межзвездной сети.

Эшранг стоял у границы энергетического купола, глядя на звезды.

Его кожистые крылья плавными волнами ниспадали до пола, в глазах таился гневный блеск, клекот стыл в груди, но плотно сомкнутый клюв не позволял эмоциям вырваться наружу, лишь мягкая седая шерстка на загривке непроизвольно топорщилась, выдавая гнев и смятение.

Бесшумно открылась дверь. Эшор медленно обернулся.

– Оставь нас одних и проследи, чтоб никто не тревожил. – Егор Бестужев жестом отослал сопровождавшего его морфа.

Обзорная площадка станции, выбранная в качестве места встречи, выглядела непривычно пустынной. Обычно здесь собирались тысячи существ различных цивилизаций, в основном путешественники и торговцы, следующие транзитом через системы Рубежа.

Отсюда открывался потрясающий вид на исполинские причальные приспособления Н-болга, к которым в обычные дни швартовалось множество космических кораблей, но сейчас пространство опустело, лишь на парковочных орбитах выстроились атлаки родовой эскадры Эшора, да крейсер класса «Прометей», доставивший Бестужева, медленно выходил на позицию прикрытия.

Человек и эшранг – злейшие враги, в силу давних обстоятельств ставшие соратниками, – не виделись лет десять и сейчас заново присматривались друг к другу.

Бестужев сел в приготовленное для него кресло. Эшор вцепился когтистыми лапами в перекладину, взмахнул крыльями, издав короткий приветственный клекот.

– И я рад тебя видеть, – сдержанно ответил глава могущественной корпорации.

Они оба заметно постарели, но не изменились внутренне, по своей сути.

Эшранг сейчас невольно вспомнил их первую встречу на далекой, недостижимой в современности планете Пандора и подумал: «Говорить с Бестужевым придется напрямую, иначе утомительное опасное путешествие длиной в тысячи световых лет вполне может обернуться тщетой».

– Мы ведь разделили сферы влияния? – вопросительно проклекотал он.

– Безусловно, – согласился Бестужев, понимая – при обычных обстоятельствах Эшор воспользовался бы дальней межзвездной связью. Случилось нечто экстраординарное, раз уж он лично посетил Рубеж. Самолюбие и надменность, потребность править, ощущать превосходство над другими у эшрангов в крови. Это не черты характера отдельно взятой особи, а особенность их семантики. Для Эшора невыносимо находиться тут, среди торжества человеческих технологий. Он невольно чувствует себя уязвленным, униженным, но тщательно сдерживает раздражение и гнев.

– Я ценю твой поступок и предлагаю говорить открыто, – продолжил Бестужев. – Для любого рода политических игр у нас достаточно квалифицированных подчиненных.

По кожистым крыльям эшранга скользнуло волнообразное рефлекторно-одобрительное сокращение мышц. Шерстка на загривке улеглась и уже не топорщилась вызывающим хохолком. «Кресло» важного гостя располагалось таким образом, что Эшор хорошо видел крейсера своей эскадры. «Прометей» же, превосходящий по размерам и мощи все атлаки, вместе взятые, оставался вне поля его зрения.

Бестужев спокойно ждал развития темы. Он не заигрывал с эшрангом и не боялся его. Егор пролил немало своей и чужой крови, прежде чем пришел к пониманию: семантически правильно построенная фраза зачастую дает больше преимуществ, чем язык грубой силы.

– Мы заключили военный и экономический союз, – продолжил эшранг. – Почему же ты не известил о начале боевых действий?

– Не понимаю, о чем ты? – невозмутимо ответил Бестужев. – Последние годы прошли мирно.

– Клянусь Эшром, мне неприятно уличать тебя во лжи!

– Будь осторожен с обвинениями.

– У меня есть доказательства!

– Я готов их рассмотреть.

Эшранг сложил крылья, плотно прижал их к телу. Кожистые перепонки обвисли складками, легкие полые кости образовали подобие рук, пальцы пришли в движение: Эшор коснулся имплантированного устройства, активируя сферу голографического воспроизведения.

– Источник данных расположен в изолированных секторах пространства. Передача перехвачена морфами трех независимых Н-болгов. Трансляция велась через гиперкосмос, – многозначительно добавил он.

Бестужев нахмурился. Намек более чем прозрачен. Технология внепространственной связи разработана его корпорацией.

– Устройства связи пользуются большим спросом, – уклончиво ответил он, еще не представляя, о чем пойдет речь. Сфера воспроизведения пока что оставалась пуста. – Многие независимые станции закупают наше оборудование.

– «Прометей» открыл филиалы в изолированных секторах? – язвительно спросил Эшор.

– Нет, – отрицательно качнул головой Бестужев. – Я уже говорил и повторю снова: сфера наших жизненных интересов ограничена девятью звездными системами Рубежа.

– Тогда поясни вот это! – Эшранг отдал мысленную команду на воспроизведение.

В объеме экрана промелькнули помехи, затем появилось трехмерное изображение космической станции. Ее размер превосходил любые известные на сегодняшний день рукотворные сооружения, а конструкция не имела ничего общего с Н-болгами.

Внешне она напоминала снятую спиралью кожуру апельсина – именно такая ассоциация промелькнула в рассудке Егора Бестужева.

Пока его взгляд определялся с масштабами (в этом помогли крохотные точки, на поверку оказавшиеся кораблями неизвестного типа), в поле зрения попал еще один объект.

При всем самообладании Бестужев слегка побледнел.

Эшор, внимательно наблюдавший за его реакцией, вспыхливо заметил:

– У каждой цивилизации есть свои уникальные наработки и типовые технические решения! Ты не можешь отрицать очевидный факт! Корабль принадлежит хомо!

– Не торопись с выводами, – осадил его Бестужев, внимательно наблюдая за происходящим.

Аппарат, с которого велась запись, по-видимому, стартовал с борта загадочного корабля и теперь медленно удалялся.

Транслируемое им изображение пополнялось все новыми и новыми деталями. Носовая часть исполина, обтекаемая, с дугообразной кромкой и плавным подъемом плотно пригнанных друг к другу бронеплит, теперь выглядела незначительной на фоне корпуса, чья форма плавно расширялась в направлении кормы.

Множество надстроек различных размеров и конфигураций образовывали сложный техногенный рельеф – выразиться как-то иначе невозможно. Общая длина таинственного корабля составляла километров семь, не меньше.

Бестужев сосредоточил внимание на деталях. Эшранг прав. Некоторые элементы технологической оснастки можно идентифицировать, проводя аналогии с новейшими разработками корпорации.

Корабль, несомненно, был построен людьми, и в то же время он выглядел *чуждым* – двойственность восприятия сбивала с толку, и Егору приходилось сдерживать собственное воображение, чтобы не выдать желаемое за действительное, как это сделал эшранг.

Эшор нахохлился, ожидая комментариев. Он просматривал эту запись десятки раз, и теперь его интересовала реакция Егора Бестужева на события.

Глава корпорации «Прометей» сохранял удивительную выдержку. Он лишь слегка побледнел и подался вперед, пристально следя за происходящим.

Запись неожиданно исказилась, появились помехи, а когда изображение вновь обрело четкость, то ракурс съемки стал другим, да и диспозиция сил радикально изменилась.

«Видимо, изрядный фрагмент данных утрачен», – подумал Бестужев.

Человеческий корабль завершал атакующий бросок. Спиралевидная станция к моменту восстановления передачи получила критические повреждения – три ее витка полностью лишились обшивки и едва держались за счет деформированных балок каркаса, готовых отломиться при очередном залпе. Большую часть секторов обзора теперь заполняли обломки и мутные облака декомпрессионных выбросов.

В пространстве бушевали энергии. Импульсные орудия человеческого крейсера работали без остановки – их окружали ореолы напряженного мерцания, из поврежденных систем охлаждения то и дело стравливало азот. Батареи плазмогенераторов крейсера били по площадям, выжигая датчики вражеских систем наведения, размягчая обшивку, вызывая множественные декомпрессионные выбросы и серии вторичных техногенных катастроф.

Но тем не менее станция держалась. Уцелевшие узлы противокосмической обороны отвечали шквальным лазерным огнем, – разряды хлестали по броне человеческого корабля, оставляя раскаленные рубцы, высекая гейзеры расплава...

Изображение вновь исказилось, поблекло, затем кадр неожиданно сменился – ведущий съемку аппарат теперь дрейфовал недалеко от поврежденной, практически утратившей боеготовность спиралевидной станции.

Зонд медленно вращался, преодолевая сбой систем.

В поле зрения единственного неповрежденного видеодатчика проплывала панорама окрестного космоса. В отдалении виднелись потерявшие ход корабли неизвестной цивилизации. Они не сумели прикрыть станцию, видимо, утраченные фрагменты записи содержали информацию о маневрах человеческого крейсера, сумевшего навязать противнику свою тактику, свести к минимуму очевидное неравенство сил.

Зонд тем временем частично восстановил функциональность, резко повернулся, вновь нацеливаясь на станцию.

Крейсер разворачивался для нанесения решающего удара. Среди клубящихся в космосе облаков смутно виднелись очертания других кораблей, – два из них, состоящие из множества цилиндрических элементов различной длины и диаметра, двигались курсом на перехват.

Бестужев оценил диспозицию, проследил траектории и подумал: «Не успеют. Разве что прикроют станцию, приняв на себя первый удар...»

Эшор взволнованно вытянул шею. Он знал, чем завершится сражение, и остро предвкусывал его финальный аккорд.

Два инопланетных корабля резко увеличили скорость, опережая человеческий крейсер, поравнялись с исполинской спиралевидной конструкцией, и вдруг...

Пространство исказилось! Дрейфующие поблизости обломки внезапно утратили четкость очертаний, прозрачная тьма, пронизанная тончайшими прожилками энергетических раз-

рядов, окутала корабли и станцию, как будто растворяя их, превращая в призрачные, стремительно тающие оптические фантомы!

Человеческий корабль включил гиперпривод. Еще один разрыв метрики возник среди обломков, и спустя миг крейсер ушел в гиперпространственный переход!

Зонд, с которого велась съемка, вновь закрутило в неуправляемом вращении. Он испытал глобальный сбой. Изображение вдруг раздробилось на множество отдельных мозаичных стоп-кадров, погасло, появилось вновь, на мгновение продемонстрировав необычного вида газопылевую туманность, и окончательно исчезло.

Эшор громко хлопнул крыльями.

Бестужев вскинул взгляд:

– Полагаешь, мы втайне от союзников построили корабль, в десятки раз превышающий потенциал «Прометей»?

Эшранг издал утвердительный клекот и гневно добавил:

– Ты воссоздал технологию мобильного гиперпривода! Оснастил им новый крейсер и...

– Ошибаешься! – грубо и недипломатично прервал его Бестужев.

– На записи – корабль хомо! – настаивал Эшор. – Мои сатахи изучили каждый кадр. В системе нет стационарного устройства пробоя метрики!

– Я заметил! Но и ты прекрасно видел: *все* корабли, запечатленные на записи, оснащены мобильными гипердвигателями! И поверь, меня это тоже тревожит!

– Но лишь прототип «Прометей» несет на борту аналогичную установку! – сделал эшранг очередной выпад.

– Единственную в своем роде! – отрезал Бестужев. – Нам пока не удалось синтезировать достаточное количество таниума. А без него гипердвигатель не построить! Ты правильно поступил, лично доставив запись.

Эшранг расправил крылья, гневно зашипел:

– Я не твой сатах! Не лги, Егор! Если корпорация вступила в войну, почему ты не информировал союзников? О, я знаю, что произошло! – продолжал напирать эшранг. – Построенный вами крейсер вышел за границы межзвездной сети армахонтов и столкнулся там с цивилизацией, которая тоже обладает технологией мобильного гипердвигателя, а значит, угрожает всем нам!

– Нет, Эшор. Я не лгу. Дай мне сутки на анализ данных.

– Тебе нужно время, чтобы придумать оправдание?

– Ноуг! – раздраженно ответил Бестужев. – Моя корпорация не вступала в войну и не нарушала условий союза! Ты не докажешь обратного. Но исследование записи на нашем оборудовании может выявить важные детали, которыми я непременно поделюсь с тобой!

Глаза эшранга подернулись поволокой.

Решив нанести визит, он был абсолютно уверен, что на записи запечатлен корабль, спроектированный по приказу Бестужева.

«А если я ошибся и он не лжет?! – Мысль окатила Эшора ледяным ознобом запоздалого прозрения. – Получается, я упустил величайший шанс в своей жизни?! Не смог удержать клюв закрытым! Если люди отправят «Прометей» на поиски таинственного корабля, то...»

– Прекрати! – Бестужев хорошо изучил психологию чужих и мог представить степень разочарования Эшора. – Ты не допустил ошибки! Опасность действительно угрожает всем! Если нами будет идентифицирована система, откуда исходила передача данных, я поделюсь с тобой информацией и предложу план совместных действий!

Эшранг разочарованно прошипел что-то невнятное.

Для него любые заверения хомо – не более, чем звук.

* * *

Система Нерг.

Рубеж.

Тонкая изломанная линия на звездной карте сектора. В недавнем прошлом здесь кипели титанические битвы, вершились судьбы цивилизаций, но теперь все изменилось.

Планеты девяти звездных систем никогда не обладали биосферами. Во времена правления армахонтов тут велась добыча полезных ископаемых, затем, после произошедшего триста лет назад восстания эшрангов, привычный миропорядок рухнул, и сектор пространства оказался изолирован от общегалактической межзвездной сети¹.

Судьба человечества, в ту пору едва приступившего к освоению космического пространства, сложилась трагически.

Эшранги, пытаясь утвердить свою власть на просторах агонизирующего участка межзвездной сети, кичливо именуя себя «старшей расой», вели коварную и агрессивную политику в отношении других цивилизаций. Стремясь завладеть некоторыми важными технологиями бурно развивающегося человечества, предки Эшора спровоцировали катастрофу, раскололи Луну, а когда обломки спутника Земли опасно сблизилась с урбанизированной планетой, эшранги вновь появились на сцене событий, воспользовались паникой, предложили помощь в эвакуации.

Они обманом расселили людей по сотням иных миров, сформировав небольшие, не представляющие угрозы, потерявшие потенциал развития анклавов.

На Земле остались лишь искусственные интеллекты. Они исправно выполняли поставленные задачи: добывали ресурсы, извлекая их из обломков Луны, создавали необходимые для преобразования иных планет, роботизированные комплексы, системы вооружений, рудодобывающие и промышленные станции, модули жизнеобеспечения, автономные силовые установки.

Все это попадало к эшрангам, которые по условиям давнего договора брали на себя доставку техники в «колонии», но на самом деле присваивали переданное им оборудование.

Раздробленное человечество постепенно вырождалось. Окруженные чуждыми существами, оказавшись вне связи с метрополией, люди не смогли создать полноценные очаги цивилизации.

Лишь два колониальных транспорта покинули Солнечную систему. «Первопроходец» стартовал еще до начала роковых событий, и его судьба неизвестна².

«Прометей» был первым и, к сожалению, единственным частным колониальным проектом. Андрей Игоревич Русанов, глава корпорации «Сибирь», стоял у его истоков.

Гиперкосмос привел «Прометей» в систему Пандоры – планеты, где в далеком прошлом произошла одна из масштабных битв между армахонтами и восставшими против них цивилизациями.

На протяжении длительного времени колония Пандоры развивалась изолированно. Планету, медленно, но неотвратимо погружавшуюся в разрыв пространства и времени, сотрясали природные катаклизмы.

¹ Подробнее о событиях в трилогии «Прометей».

² Подробнее о судьбе «Первопроходца» в дилогии «Соприкосновение».

Заложниками Пандоры стали не только люди. Эшранги, хонди, звенги, цириты, морфы, а также созданные ими мутанты вели беспощадную борьбу за выживание среди опаснейших пространств.

Именно там Егор Бестужев впервые встретил Эшора.

* * *

Флайбот Егора Бестужева покинул вакуумный док станции Н-болг, взяв курс на стационарное устройство пробоя метрики.

В обшивке вполне заурядного на вид малого корабля открылся диафрагменный люк. Облачко отработанных реагентов системы жизнеобеспечения выдохнуло в космос.

Ни один из датчиков эскадры Эшора не зафиксировал частиц нанопыли, смешанных с газообразным выхлопом. Наниты мгновенно образовали сеть и генерировали маскирующее поле, под защитой которого от флайбота отделилось небольшое сферическое устройство.

Некоторое время оно двигалось вплотную к обшивке, затем, включив собственный привод, начало отдаляться.

Эшор пристально следил, как флайбот Егора Бестужева приближается к «Вратам Миров» – так в просторечье именовали устройства формирования гипертоннелей, на основе которых армахонты в далеком прошлом выстроили межзвездную сеть.

Эшранг взглянул на развертку данных, поступающих с флагмана его эскадры.

Входящее соединение установлено с вратами системы Зайрус. Все верно. Там расположена штаб-квартира корпорации.

Он с удрученным видом отвернулся. Теперь оставалось ждать, пока запись изучат специалисты «Прометей».

Досадуя на собственную недалёковидность, Эшор направился к гравитационному лифту, намереваясь вернуться на борт атлака. Требовалось обдумать дальнейшие шаги. Он неплохо изучил людей, а к встрече с Егором готовился особенно тщательно. Среди мягкой шерстки, покрывающей тело эшранга, прятались десятки микроскопических датчиков, дистанционно связанных с хондийскими нейрокомпьютерами, специально обученными для распознавания характеристик человеческой речи, идеомоторики³, жестикуляции и многих других, присущих людям поведенческих реакций, по которым можно распознать ложь, определить другие эмоции.

Первичная обработка данных разочаровала и встревожила эшранга.

Егор не лгал. Система анализа пришла к выводу, что продемонстрированный корабль Бестужеву незнаком!

Настроение Эшора ухудшалось. Направляясь на встречу, он был абсолютно уверен, что таинственный крейсер, оснащенный мобильным гиперприводом, разработан корпорацией «Прометей»!

Тревога росла с каждой минутой. Как справедливо заметил Бестужев, кроме загадочного корабля на записи, присутствовали и другие объекты, например, станция и прикрывавший ее флот!

Эшор злился прежде всего на себя. Ухватился за самую простую версию! Решил, что Бестужев обязательно причастен и выложит все, стоит лишь надавить на него.

Глупо! Глупо было рассчитывать на такое незамысловатое решение!

Надо было самому организовать военную экспедицию в изолированные сектора, откуда исходила передача данных!

³ Идеомоторика – неконтролируемые движения мышц.

«Да, многие Н-болги и связанные с ними устройства пробоя метрики не работают, но сеть, построенная армахонтами, сложна! – мрачно размышлял он. – Всегда можно отыскать окольный путь, ведь в далеком прошлом из каждой звездной системы вели десятки, а порой и сотни межзвездных маршрутов!»

Но сделанного не вернешь. Зная Бестужева, его твердость, непреклонность и *честность* – редкое, надо сказать, качество, – Эшор не терял надежды выжать из сложившейся ситуации хоть какую-то пользу.

* * *

Сферический аппарат, генерирующий оптический фантом и энергетическую матрицу флайбота, двигался к Вратам Миров, в то время как флайбот Бестужева, скрытый маскирующими полями, взял курс на вторую планету системы.

Это была элементарная мера предосторожности, призванная защитить тайны человеческих технологий. Покинув гибнущую Пандору, в смертельных схватках отбив Рубеж, люди осели тут, восстановили Н-болги, начали преобразование нескольких планет, но Егор ни на секунду не забывал: многим иным цивилизациям растущее могущество «хомо» – так чужие обобщали человечество – кость поперек горла. Поэтому, исходя из соображений безопасности, научные и производственные центры корпорации «Прометей» дислоцировались вдали от посторонних глаз.

Через час он вывел свой корабль на орбиту коричневатого-пепельного шара и начал пологое снижение, используя для входа в атмосферу мощный антигравитационный двигатель.

На высоте двух километров бушевал пылевой шторм. Датчики флайбота работали уверенно: их излучение пронзало мглу, прорисовывая детали унылого однообразного ландшафта.

Внизу простирались скалистые пустоши, ветшала брошенная за ненадобностью древняя рудодобывающая техника, сканировались структуры многочисленных шахт и открытых выработок – ныне они превратились в своего рода «озера», до краев наполненные пылью.

Вскоре среди признаков запустения появился уступчатый кратер. Его обрамляли отвалы пустой породы, кое-где виднелись остовы исполинских машин, некоторые из них вросли в почву, иные опрокинулись на бок под напором бушующих ветров, третьи разрушились, образуя груды обломков.

Показания датчиков свидетельствовали о том, что огромный карьер заполняла пыль, но Бестужев уверенным движением проложил курс и принял ручное управление, направив флайбот навстречу зыбкой поверхности.

Машина пробила завесу клубящихся пылевых облаков, вошла в стремнину неожиданно взметнувшегося выброса и, проскользнув сквозь локальное «окно», открывшееся в куполе энергетической защиты, очутилась внутри огромной, искусственно сформированной полости.

Энергетический купол сдерживал напор пылевого шторма, над древней выработкой клубились облака, состоящие из мельчайшей взвеси разнородных частиц, надежно скрывающих это место от посторонних взглядов.

Автоматика флайбота зафиксировала посадочный луч. Рубиновый индикатор погас, и Егор позволил автопилоту вновь перехватить инициативу.

Взору главы корпорации открылась панорама планетарного дока. Колониальный транспорт «Прометей» – единственный корабль современности, оснащенный действующим мобильным гиперприводом, покоился в стапеле. Неподалеку, во втором отсеке верфи, располагались двенадцать клиновидных сегментов, способных стыковаться друг с другом, образуя диск трех километров в диаметре. Эта уникальная конструкция являлась одним из кораблей армахонтов, способным путем послойной молекулярной репликации создавать объекты любых размеров и

сложности, преобразовывать планеты, прокладывать гипертоннели, реплицировать не только технику, но и живые организмы.

В частности, станции Н-болг систем Рубежа были заново воссозданы людьми именно при помощи «Созидателя Миров», или «терфула» – так на языке строителей сети назывался комплекс из двенадцати модулей.

Сейчас лучшие специалисты корпорации изучали реликтовый корабль. Многие древние системы пребывали в плачевном состоянии, на грани отказов и поломок, но их ремонт пока не представлялся возможным. Большинство технологий, использованных армахонтами при проектировании «Созидателя Миров», все еще находились за гранью понимания.

Флайбот пошел на посадку.

Кроме планетарной верфи, под защитным куполом располагались исследовательский центр корпорации «Прометей» и небольшой городок, где проживали сотрудники с высшим уровнем допуска.

Здания утопали в зелени парков, здесь царили адаптивные экосистемы, разработанные и апробированные еще на Пандоре.

По левому борту промелькнули три столба сияния, похожего на мутное стекло, – локальные зоны, внутри которых время ускорено в тысячи раз. Справа располагались точно такие же энергетические формации, но пронзительно-изумрудного цвета, – там время замедлялось до состояния стазиса.

* * *

На краю посадочной площадки, под сенью обрамляющих ее деревьев Егора поджидала девушка.

На вид ей было лет двадцать пять. Тонкие черты лица неуловимо повторяли облик Бестужева, смягчая их женственностью.

– Здравствуй. – Он обнял дочь.

Мишель прижалась к нему. В последний год они виделись редко, и каждая встреча для Егора была мучительна, но лишь в первые мгновения, пока между отцом и дочерью проскальзывали едва уловимые обонянием простого человека флюиды.

Хондийские феромоны. Медиаторы поведения, присущие насекомоподобным существам, регламентирующие жизнь муравейника, иерархию особей...

Много лет назад, на далекой, уже ставшей легендой Пандоре, Егору Бестужеву ради выживания горстки людей пришлось имплантировать себе хондийский нерв.

Думалось, что чужеродные нервные ткани и связанные с ними железы, при помощи которых он мог управлять живыми кораблями иной цивилизации, удастся удалить, когда в них отпадет необходимость, но Нерв – так мысленно называл его Егор, – необратимо встроился в метаболизм человека.

Бестужев смирился, но разве мог он предположить, что вынужденная имплантация, исковеркавшая его жизнь, внезапно даст генетический рецидив?

Эти мгновения всегда мучительны.

Мишель воспринимала их стойко. В отличие от отца она с младенчества привыкла ощущать себя не только человеком.

А вот Егору все давалось через боль, мучительное раздвоение личности, осознание того, что дочь никогда не встретит обыкновенную человеческую любовь.

Ее чувства, ее восприятие мира с рождения деформированы.

Сегодня это воспринималось особенно остро. Железы на ладонях продолжали источать сложные флюиды. В языке запахов хонди нет оттенков отеческой нежности, им чужды подобные понятия, и Мишель встревоженно подняла взгляд.

В детстве ей нравилось ощущать себя царицей, неким высшим иерархическим существом, но, повзрослев, она стала иначе воспринимать эти флюиды.

Борьба между человеческим сознанием и его искажениями, навязанными хондийским нервом, для отца так и не завершилась. Он не сумел принять Нерв.

– Ты чем-то встревожен? – тихо, но настойчиво спросила она.

– Голоден. – Он ушел от темы, хотел подмигнуть дочери, но щеку внезапно свело нервным тиком.

– Пап, что происходит? – Мишель заметила, что отец непроизвольно сжал кулаки. Костяшки его пальцев побелели от напряжения, но ведь это глупо, так не остановишь сочащиеся из ладоней запахи! – Пойдем. – Она взяла его под руку. – Сейчас пройдет.

– Уже... – хрипло ответил он, волевым усилием обуздывая Нерв. – Извини. Плохой день.

– Эшор? Опять он какую-то пакость затеял?

– Информацию к размышлению подкинул. Родиона сегодня видела?

– Да. – Они свернули к исследовательскому центру корпорации. – Он в крыле нейрокибернетики. Вместе со Стременковым.

– Пошли к ним.

– Ты же вроде хотел пообедать?

– Позже. Эшор доставил одну запись, с которой нужно разобраться. Хочу, чтобы и ты взглянула.

– А что на ней?

– Неизвестные корабли. И один из них вполне может оказаться человеческим. Хотя судить еще рано.

Мишель удивилась и обрадовалась:

– Пап, если найдем еще один человеческий анклав, это же здорово!

– Не все так просто, – скупно ответил он. – Впрочем, сама сейчас увидишь. Данные я передал пару часов назад. Предварительная обработка уже должна завершиться. Прежде всего надо датировать запись.

Дочь была заинтригована.

– А откуда ее взял Эшор?

– Получил от морфов. А те приняли случайно, по межзвездной сети. Не исключаю, что сигнал мог блуждать в гиперкосмосе столетия, если не больше.

– В таком случае на записи корабль армахонтов? И ты его не смог опознать?!

– Не смог. Ничего подобного в базе данных «Созидателя Миров» нет.

– Ого! – удивилась она. – Не терпится взглянуть!

* * *

Сектор биокибернетики.

Егор Бестужев, Родион Бутов и Павел Стременков дружили с детства.

Жизнь не щадила их, швыряла в стремнину событий, разделяла во времени и пространстве, вела извилистыми, тернистыми тропами борьбы за выживание.

«Ровесники...» – Мысль отдавала невольной горечью, особенно когда они встречались в узком кругу.

На Пандоре Егору довелось совершить несколько переходов во времени. Друзья состарились. Если Бестужев выглядел сейчас лет на пятьдесят, то Стременкову дашь все сто. А вот Бутов энергичен, подтянут – старость и немощь ему претят.

– О, Егорка! – Стременков развернулся вместе с креслом. Ходил он с трудом, но от прогрессивной регенерации отказывался наотрез. Боялся, что в обмен на сомнительную физическую молодость (технология все еще давала сбои) придется пожертвовать накопленным жизненным опытом. Шанс амнезии при операции искусственного омоложения примерно пятьдесят на пятьдесят. Пашку такой расклад не устраивал.

Бестужев пожал его руку, дружески ткнул Родьку кулаком в плечо, обернулся к дочери:

– Присаживайся и слушай. Входи в курс дела.

Родион вопросительно приподнял бровь, словно спрашивал: «Егор, она в деле?»

«Увидим», – едва заметным жестом ответил Бестужев и, не желая развивать тему, подключился к цифровому пространству комплекса.

Реальность подернулась дымкой. На первый план восприятия вышел предмет исследования.

Киберпространство открывало безграничные возможности для рассудка. В цифровой среде не имело значения, стар ты или молод. Острота ума, способность к анализу, творческий и исследовательский потенциал личности – вот что играло ключевую роль. Здесь стирались возрастные и социальные градации, существенно сужалась, а зачастую и вовсе исчезала семантическая пропасть между представителями различных цивилизаций. Именно в силу этих причин модули межзвездной связи, разработанные людьми, пользовались спросом во всех без исключения уголках освоенного космоса, даже там, где сеть работала нестабильно, а цивилизации лишь эпизодически контактировали одна с другой.

Стременков работал быстро. За пару часов, потребовавшихся Бестужеву на межпланетный перелет, он успел разделить запись на потоки. Теперь каждый из объектов воспроизводился по отдельности, были созданы подробные трехмерные модели конструкций без наложения повреждений.

В киберпространстве к ним присоединился Андрей Игоревич Русанов. Матрица его личности, скопированная в нейросеть «Прометей», визуализировалась в виде аватара.

Бестужев любил погружаться в цифровую среду обитания. Здесь он чувствовал себя юным, бремя повседневности отступало, да и хондийский нерв не имел силы воздействия.

Разумы пяти человек вошли в контакт, образуя сеть. На темном фоне контрастно проступили объекты исследования. Ничто не рассеивало и не отвлекало внимания.

Стременков выделил спиралевидную конструкцию и сразу перешел к делу.

– Станция не идентифицируется ни по одному из известных параметров, – сообщил он. – Нет данных по внутренней структуре. Я проанализировал моменты попаданий, убрал лишнее, наложил детали, которые удалось различить при разрушении обшивки. Вот итог – модель пополнилась некоторыми подробностями. Отсеки внешнего слоя выглядели необычно. Они имели сферическую форму, что плохо сочеталось с рациональным использованием бортового пространства. Сферы неплотно прилегали одна к другой, между ними оставалось много неиспользуемых зазоров.

– Конструкция чужих кораблей гораздо эргономичнее. – Павел выделил два объекта. – Модель, насколько я могу судить, типовая. В качестве основного конструктивного элемента использован цилиндр. В местах сопряжения видны стыковочные узлы. Полагаю, что путем кругового послойного подключения «сменных модулей» неизвестные нам существа способны модернизировать корабли, объединять их в пространственные конструкции или, при необходимости, – производить экстренную расстыковку.

– Каждый из элементов полностью автономен? – уточнил Бестужев.

– Нет. Модули разделены по специализации, – вступил в разговор Русанов. – Мне удалось распознать в структуре чужих кораблей три типа цилиндрических компонентов. Силовые,

оружейные и двигательные. Гиперпривод расположен в кормовой части. Его образуют шесть модулей, что согласуется с двумя контурами генераторов⁴.

– Хорошо. С конструкциями чужих разберемся немного позже. – Бестужев приблизил и детализировал изображение крейсера. – Что удалось выяснить? Эшор недвусмысленно намекнул на присущие людям конструктивные решения. Я с ним согласен, но, насколько могу судить, корабль не идентифицируется?

– Его нет ни в одной из баз данных, – уверенно кивнул Стременков. Для наглядного сравнения он выстроил три модельных ряда. Первый отображал эволюцию космической техники человечества в период освоения межпланетного пространства и первых выходов за границы Солнечной системы. Вторая линейка кораблей демонстрировала все известные к сегодняшнему дню конструкции армахонтов. Третья состояла из современных образчиков космической техники, созданных корпорацией.

Да, наглядное сравнение подчеркивало чужеродность исполинского крейсера, однако следовало признать: многие детали выглядели знакомо! Четко просматривалась идентичность некоторых технологических приемов и инженерных решений, но – Бестужев продолжал собственный анализ – это касалось лишь частных случаев. Например, взять электромагнитные орудия. Принцип их действия одинаков, а вот воплощение идеи разное. Некоторые фаттахы и эмширы⁵ оснащались кинетическими системами вооружений, но хонди выращивали ускорители импульса, эшранги отливали моноблоки, корпорация же использовала двухкомпонентные модули.

Загадочный корабль демонстрировал любопытное решение. Его орудия имели разрезанный по длине ствол, что позволяло менять калибр и скорострельность в зависимости от характеристик цели.

– Такая конструкция рассматривалась при проектировании вооружений «Прометея», – произнес Русанов. – От нее пришлось отказаться из-за ненадежной работы сервомеханики, изменяющей диаметр ускорителя. Но взгляните. – Он указал на одну из поврежденных надстроек крейсера, где сквозь пробойину виднелась часть оборудования пораженного отсека. – Расчеты указывают, что боевой пост адаптирован под анатомию человека.

– А что, если перед нами ранний образчик космической техники армахонтов? – предположил Бутов.

– Исключено, – категорично ответила Мишель. – Я не могу идентифицировать этот корабль. И ни одна из его деталей, которые можно с уверенностью рассмотреть, не имеет сходства с кораблями строителей сети.

Ее мнение в затронутом вопросе считалось компетентным. Мишель на протяжении последних лет изучала базы данных «Созидателя Миров» и могла с первого взгляда определить принадлежность большинства обломков, добытых в труднодоступных секторах пространства.

Возникшую паузу нарушил Русанов.

– Корабль построили люди! – убежденно заявил он. – Либо следует допустить факт существования цивилизации, очень похожей на нашу.

Бестужев кивнул, принимая его мнение:

– Родион, что скажешь?

– Сомневаюсь, – ответил Бутов. – Я бы не стал высказываться столь категорично. На основании деталей облика нельзя делать далеко идущие выводы! Не скрою, есть в нем что-то знакомое, близкое по духу, что ли? Но нет, судить не возьмусь.

– А ты? – Бестужев обратился к Стременкову.

⁴ Генератор высокой частоты отвечает за пробой метрики и погружение корабля в гиперкосмос, генератор низкой частоты работает исключительно на выход из пространственно-временной аномалии.

⁵ Эмшир – аэрокосмический истребитель во флоте эшрангов. Фаттах – хондийская бионическая машина аналогичного предназначения.

– А я выскажусь категорично! Корабль – человеческий! Эшранга надо взять за глотку и вытрясти из него дополнительную информацию! – Павел, как всегда, высказывался резко и откровенно. – Уверен, Эшор сразу же вспомнит, что его предки переселили одну из групп беженцев с Земли именно в тот сектор пространства, откуда исходила передача данных! Мое предложение: рассчитать маршрут и выслать эскадру «Прометеев»! Пусть наши спецы потолкуют с морфами, принимавшими передачу! Мое мнение таково: где-то на задворках межзвездной сети выжил и продолжил успешное развитие один из человеческих анклавов! И сейчас люди там бьются с чужими! Как мы когда-то на Пандоре!

– Ну-ка притормози. – Бестужев удивленно взглянул на друга. – Откуда вдруг такая уверенность?

– Не вдруг, Егорка, не вдруг. – Стременков своей неприязни к эшрангам никогда не скрывал. Чувства не потускнели со временем. – Думаю, Эшор специально сократил и исказил данные! – запальчиво воскликнул он. – Я, когда начал анализ, обнаружил еще один небольшой фрагмент передачи, сильно поврежденный, зашумленный помехами. Конечно, это может оказаться следствием многочисленных сбоев, накопившихся, пока сигнал путешествовал по сети, – справедливости ради, нехотя добавил он.

– Давай-ка к делу! Восстановить удалось?

– Угу. Только без аудио. Так, потрескивание. – Он движением руки отодвинул все модели на задний план восприятия.

...

Два крупных газопылевых облака переливались зеленовато-голубыми оттенками вторичного излучения.

Съемка опять велась с зонда. События явно переместились в иную область пространства. Взгляд не находил ничего общего с предыдущими фрагментами записи.

Аппарат двигался быстро. В поле зрения промелькнула коричневатая планета, зажатая между клубящимися выбросами, затем все застила мутная пелена. Так длилось больше минуты, пока плотность газопылевого облака не начала редеть.

– Смотрите, тот же корабль! – воскликнула Мишель.

У Бестужева невольный холодок скользнул вдоль спины.

Броня исполина зияла пробоинами, открывая вид на оплавленные отсеки с уничтоженным оборудованием.

Зонд стремительно приближался к крейсеру, план съемки постоянно укрупнялся, вот появились хорошо различимые детали: открытые створы вакуумного дока, над ними – изрубленный лазерными разрядами край надстройки. Думалось, зонд сейчас влетит внутрь космического корабля, но нет, он почему-то отвернул, стремительно пронесся вдоль покрытого рубцами, оплавленного, а во многих местах и прожженного насквозь борта, затем ушел в вираж, удаляясь от крейсера.

– Смотрите! Вот еще один! – Родион вскинул руку, жестом указывая на крошечный силуэт небольшого аппарата.

– Аэрокосмический истребитель! – взволнованно предположила Мишель.

– Точно! – Русанов с ипостасью искусственного интеллекта так и не сжился. Бережно хранил память о человеческих эмоциях, но проявлял их редко.

Да, сомнений быть не могло. Машина, серьезно поврежденная в бою, лишилась нескольких бронеплит. Сквозь образовавшуюся пробоину просматривалась технологическая ниша, расположенная между наружным и внутренним корпусами, в ней виднелось сложенное крыло с прикрепленной к нему установкой турбореактивной тяги, предназначенной для полетов в атмосфере.

– Идет к доку! – Русанов подался вперед, вытянул шею, совершенно забыв о своей нематериальной форме существования.

– Пилот, видимо, ранен! – Бестужеву передалось общее эмоциональное напряжение момента. Он неотрывно следил взглядом за курсом истребителя, подмечая, как неровно тот движется, словно автоматика отказала, а ручное управление отнимало у пилота последние капли жизненных сил.

Истребитель вошел в док. Его не подхватили гасители инерции. Поврежденное оборудование причальных секций не работало, и корабль неуклюже коснулся посадочной палубы, высекая снопы искр, снес секцию решетчатых ферм обслуживания, развернулся вокруг оси и замер.

Никто не выбрался из поврежденной машины. Зонд вслед за истребителем вплыл в вакуумный док, сделал несколько кругов, запечатлев разрушения, затем вдруг резко крутанулся вокруг оси, словно его датчики уловили нечто важное!

Запись искажилась, изображение смазлось, но все равно было видно, как открылся овальный люк и из шлюзовой камеры высыпали похожие на крабов сервомеханизмы! Они двигались ловко, не теряя сцепления с палубой, хотя вокруг царил невесомость – на это указывали предметы, парящие на разных высотах.

– Сейчас они вызволят пилота! – Мишель затаила дыхание.

Точно. Сервы вскрыли шлюз истребителя, исчезли внутри машины, долго не появлялись, а зонд все кружил и кружил, словно его примитивная система каким-то образом осознавала важность момента.

Внезапно в носовой части малого корабля сработали аварийные механизмы. Часть обшивки отделилась; вслед за фрагментами сброшенных бронеплит из гнезда вышло курсовое орудие, так же отправившись в свободное движение над посадочной палубой, а в границах освобожденной от оборудования ниши появилось красноватое сияние – сервы вырезали переборку!

Еще минута, и раскаленный по краям округлый фрагмент отправился вслед за сброшенным орудием. В образовавшемся отверстии показался сервомеханизм – он пятился, поддерживая какую-то конструкцию.

Зонд спикировал, взял крупный план.

Изнутри истребителя появился край грубо срезанного противоперегрузочного ложе-мента, обрамляющего кресло пилота.

– Человек! – невольно вскрикнула Мишель.

Сомнений не осталось. Сервы извлекли из кабины истребителя молодого пилота в скафандре. Из-за полученного ранения его экипировка потеряла герметичность и была залита аварийной пеной, объединяя человека и кресло в жутковатую абстрактную скульптуру.

Выбравшись на палубу, сервы дружно припустили к шлюзу.

Оставалось лишь надеяться, что пилот жив и внутри неповрежденной части корабля ему окажут помощь.

Все видели его землистое, обескровленное лицо. На вид парню было лет двадцать, не больше.

Зонд еще немного покружил в пространстве разрушенного вакуум-дока, затем нырнул в технологический тоннель, пронесся по извилистой артерии, пока перед ним последовательно не открылись два диафрагменных люка.

Аппарат оказался в небольшом темном помещении, уверенно развернулся, входя в гнездо терминала связи, и отключил видеодатчики.

* * *

– Не думаю, что Эшор фальсифицировал либо купировал запись. – Егор Бестужев первым нарушил воцарившуюся тишину. – Ему было бы выгоднее продемонстрировать мне недо-

стающий фрагмент, доказав, что корабль управлялся человеком! Он ведь явился сюда в полной уверенности, что корпорация строит крейсера нового поколения и ведет войну за спинами союзников!

– Какая разница, чем озабочен эшранг! – Глаза Мишель блеснули. – В изолированных секторах существует высокоразвитая человеческая цивилизация! И они гибнут, ведут войну с чужими!

– Верно. – Родион насупился. – Обе стороны обладают мобильными гиперприводами. Могу поспорить на что угодно, Эшор сейчас крылья себе заламывает от досады. Ты в курсе, – Бутов обернулся к Егору, – что он явился на встречу, нашпигованный разного рода датчиками?

– Заметил, конечно. Шерсть у него клоками дыбилась, – усмехнулся Бестужев.

– Он начнет свою игру, – убежденно произнес Стременков. – Обладание мобильным гиперприводом стоит любого риска.

Зная психологию эшрангов, возразить нечего. На протяжении сотен лет они не оставляли попыток отыскать корабли армахонтов, оснащенные гипердрайвом.

Зачем? Ну, это очевидно. Древняя сеть агонизирует. Выходит из строя оборудование Н-болгов, и, как следствие, ежегодно со звездных карт исчезает по несколько маршрутов. В этих условиях цивилизация, обладающая технологией мобильного гипердвигателя, получает неограниченную власть над сотнями звездных систем.

Егор вернулся взглядом к изображению корабля.

«Эшранг прав в одном, – подумалось в эту секунду. – Информация ошеломляющая, меняющая сложившийся баланс сил. Но действовать нам придется с разумной осторожностью. Нельзя очертя голову бросать эскадры на поиск загадочного корабля. Что, если запись все же фальсифицирована, а намерения Эшора лежат в совершенно иной плоскости?»

– Как мы можем подтвердить подлинность передачи? – спросил он.

– Хороший вопрос. – Стременков указал на метаданные. – Запись сформирована с применением модуля технологической телепатии. С одной стороны, это должно подтвердить ее подлинность, устранить всяческие сомнения. К моменту, когда произошел массовый исход с Земли, наниты применялись повсеместно.

– А с другой точки зрения? – настаивал Егор.

– Я допускаю фальсификацию, – ответил Стременков. – Запись мог создать человек с имплантированной наносетью, хорошим техническим образованием и богатым воображением.

– Но данные поступали от зонда!

– Верно. Однако модуль технологической телепатии как раз и предназначен для приема информации от кибернетических систем и ее преобразования в мысленные образы! – напомнил Стременков. – По сути, полученные изображения – результат такой обработки. Для любого из нас видеть мир «глазами машин» – обычное явление.

– Взгляните, тут надпись! – Мишель указала на носовую часть загадочного корабля.

– Да, я видел, – ответил Русанов. – Символы читаются хорошо, но лишь некоторые из них идентифицируются.

– Похоже на буквы? – настаивала Мишель.

– Да. И тут я зашел в тупик, – признался Андрей Игоревич. – Возможно ли частичное совпадение, если речь идет о цивилизации людей, когда-то покинувших Землю?

– Нет! – категорично ответил Стременков.

– А если восполнить пробелы? – предложил Бутов.

– Каким образом? – скептически поинтересовался Русанов.

– Ну, хотя бы предположить! Ведь это наверняка название корабля, верно?

Надпись укрупнилась. Стременков оставил лишь те буквы, которые удалось идентифицировать:

«Т...НЬ З...М...И»

– Фантазии тут не помогут, – заявил он. – Символы на месте пропусков нам неизвестны. Они не принадлежат ни одному из существовавших раньше алфавитов!

– Изолированная цивилизация могла попасть в условия, когда был ассимилирован чужой язык! – предположил Бутов. – Думаю, это лишнее доказательство подлинности записи! Подделай ее эшранг – мы легко прочли бы название корабля!

– Не о том мы сейчас спорим! – отмахнулся Стременков. – Важно определить звездную систему, служившую источником данных! Тогда и другие вопросы найдут ответ!

– Интересно, почему же Эшор этого не сделал? Зачем он прилетел сюда? – спросил Бутов.

– Передачу принимали Н-болги, расположенные в тысяче световых лет от Рубежа! – ответил Русанов. – Три станции, не связанные между собой существующими в современности маршрутами...

– И что это значит? – перебил его Бутов.

– Определить источник данных, опираясь лишь на координаты этих Н-болгов, невозможно, – ворчливо ответил Стременков. – Речь идет об участке сети с нестабильно работающими воротами. При таких условиях придется отыскать еще как минимум с десяток станций, где морфы принимали трансляцию, вот тогда я смогу проанализировать конфигурацию сохранившихся участков межзвездной сети и указать систему, откуда велась передача.

– Без этого не обойтись? – нахмурился Бестужев.

– Нет, – категорично ответил Стременков.

* * *

Система Нерг. Вторая планета. Вечером того же дня...

За куполом защиты сгушалась тьма.

Мишель ждала отца на улице. День сегодня выдался неожиданно нервным, напряженным, насыщенным.

«Не удалось пообедать, так хоть поужинаем вместе», – думала она, сидя на скамейке и глядя, как сгущается мгла, зажигаются первые огни освещения.

Наконец открылись двери комплекса, на крыльце появились отец и Родион Бутов. Они спорили на повышенных тонах, и до слуха Мишель невольно долетали их фразы:

– Я не могу так рисковать! «Прометей» останется тут!

– Егор, но я ведь предложил тебе хороший альтернативный план! Лучшего ты все равно не придумаешь! Ну сам посуди – обыкновенный торговец с Рубежа, путешествующий с дочерью! Это не вызовет никаких подозрений! Ты ведь понимаешь, там нет наших торговых представительств. Мы никогда не забирались так далеко. Единственный способ собрать информацию, не привлекая внимания, – это действовать под прикрытием!

– План хороший, не спорю! – резко ответил Бестужев. – За одним исключением!

– А ты не горячись. Подумай. Безопасность я обеспечу. Корабль подготовим соответствующим образом. Обещаю не выходить за пределы действующей сети. Случись серьезные осложнения – «Прометей» сможет прибыть в течение пары часов!

– Смени кандидатуру, тогда и поговорим!

– А кого я тебе смогу предложить? Ты думай сейчас головой, а не сердцем! По ходу дела может открыться такая информация, что не всякому доверишь! Это-то ты понимаешь?

Бестужев заметил дочь, нахмурился.

– Завтра с утра обсудим, – понизив голос, ответил он.

...

– Пап, что еще стряслось? – Мишель взяла отца под руку.

– Эшранги начали действовать, – нехотя ответил Бестужев. – Эшор понял, что мы не имеем отношения к таинственному кораблю. Он увел свою родовую эскадру. Надеется опередить нас в поисках.

– Тогда почему ты против старта «Прометей»? – спросила Мишель, пока они шли по аллее к небольшой полянке, где сервы в уединенной беседке накрыли для них стол.

– Это оголит Рубеж. У Эшора повсюду соглядатаи.

– Но он же наш союзник!

– Не будь наивной. При таких ставках эшранги пойдут на любые меры.

– Да, но Павел Аркадьевич ведь ясно сказал: определить источник данных будет нелегко! Если я правильно поняла, то у эшрангов нет власти в тех секторах, где был принят сигнал? – Она поднялась по ступенькам, вошла внутрь беседки и села в кресло за сервированным столом.

Бестужев последовал ее примеру, затем вдруг движением руки сформировал голографическую карту отдаленных регионов межзвездной сети, о которых шла речь.

Мишель увидела сотни утраченных маршрутов, ветхие узловые станции, сбойные врата. Сплошь – алые маркеры. Задворки обитаемых миров, где нет власти.

– Давно хотела спросить, почему мы не исправим положение?

– Мы – не армахонты, – ответил отец. – Поддержание сети, восстановление тысяч Н-болгов вне наших возможностей. Быть может, потомки спустя сотни лет решатся на такое. Нас слишком мало. И далеко не все хотят управлять Вселенной, согласись?

Она кивнула.

– Другое дело – эшранги, – продолжил Бестужев. – Им глубоко наплевать, удержат ли они власть, главное – вкусить ее. Они жаждут править, но не управлять.

– Думаешь, Эшор пойдет на предательство? Нарушит клятву?

– Даже не сомневайся. Он выжмет все из сложившейся ситуации. На самом деле у нас нет союзников.

– Но вы же вместе выживали на Пандоре, вместе сражались против морфов на Рубеже!

– Это ничего не значит. В свое время я предлагал Эшору совместно осваивать Рубеж. Он отказался. Предпочел увести эскадры на задворки исследованного космоса. Как думаешь, почему?

– Ему невыносимо наше технологическое превосходство?

– Верно. Роль второго плана для эшрангов – хуже смерти. С этим ничего не поделаешь. Такова психология птиц. Ее нужно учитывать. Не удивлюсь, если визит Эшора преследует далеко идущие цели. Например – распылить наши силы, получить возможность атаковать Рубеж, завладеть «Созидателем Миров».

– Да, но корабль в плачевном состоянии! Его ресурс сейчас всего пять процентов от истинной мощности!

– Но Эшор-то этого не знает! Если «Прометей» уйдет в дальний поиск, он рискнет. «Созидатель Миров» в его понимании дарует власть над Вселенной. Для эшранга мотивация более чем достаточная.

– Выходит, мы ничего не предпримем?! – искренне удивилась и огорчилась Мишель. Образ таинственного корабля глубоко задел ее воображение.

Бестужев хмуро молчал.

– Пап?

Он сидел, не глядя на дочь.

«Не будет у тебя лучшей кандидатуры. Не сможешь ты никому доверять, как ей».

Егор злился, мысленно огрызался, хотя впустую, что греха таить? Экспедиция в закрытые секторы – вопрос, по сути, уже решенный. Но кого отправить? Подготовить группу репликантов? Не вариант...

«Нравится или нет, а Родька прав: придется послать один корабль, без гиперпривода, чтобы шел, как самый обычный «торговец» по узелкам древней сети, собирая информацию, слухи, нащупывая путь, совершая рискованные прыжки, с использованием поврежденных врат и утраченных в современности маршрутов. Здесь нужна команда из двух-трех человек, способных мгновенно сориентироваться в любой ситуации, ведь за пределами Рубежа наше влияние сходит на «нет», пропорционально пройденному расстоянию. Среди независимых Н-болгов, где всем заправляют морфы, репликанты лишь привлекут к себе внимание.

Сам отправиться не могу. Слишком заметная фигура для путешествий. Пашка нужен здесь. Без него все исследования встанут. Значит, остается Родион?

Да, пожалуй. Он справится, однозначно. Он и Мишель?» – Мысль вызвала бурю противоречивых эмоций.

«Неужели мне придется так поступить? Отпустить ее? Признать, что повзрослела? Это смертельный риск!» – тут же одернул себя он, но мысли...

– Пап? – Мишель заметно побледнела. – Ты сейчас думал обо мне?

– Да, – с трудом признался он.

– Почему так? – Резкий запах внезапно коснулся сознания, нарисовал образ боевой разумной особи, в чертах которой угадывалось что-то человеческое. Жуткий, надо сказать, гибрид.

– Нерв шалит. Не обращай внимания. Прости, если ненароком обидел.

– Да не обидел ты меня! Но почему же правду не скажешь? На нерв не сваливай, он самостоятельным мышлением не обладает, уж я-то знаю! Вы с Родионом Ивановичем обо мне говорили? Да?

– Мишель, это слишком опасно!

– А я уже взрослая, не заметил? И не понимаю, что опасного в обыкновенном путешествии? – Она мгновенно загорелась идеей. – Пап, я все равно хотела с тобой поговорить!

– О чем?

– Прогрессивная имплантация, знания, исследования... – Она отвернулась. – Это здорово. А настоящая жизнь где-то там, за этим пылевым штормом! Почему ты решил, что именно тут я буду счастлива?

– Мишель, прошу, не горячись! Речь идет об участках сети, где вся власть принадлежит чужим, понимаешь?

– Ну и что? – упрямо возразила она. – Ты тоже не горячись, подумай. Родион Иванович в обиду меня не даст. Я же смогу использовать нерв, получать информацию от хонди. Лучшей кандидатуры все равно не найдешь! Я хорошо подготовлена. Знаю технику армахонтов. И между прочим, умею ладить с представителями...

Егор поднял взгляд.

– Там не Рубеж! Прости за резкость, но ты еще не встречалась с *чужими*! Здесь они боятся нас и ведут себя соответственно, а там... – Он покачал головой, все больше мрачней. – Там все будет иначе!..

Она обиделась.

– Мишель, взгляни на меня.

– Ну?

– Думаешь, я пытаюсь ограничить твою свободу? – тихо, с неожиданным надрывом в голосе спросил отец. – Посмотри, что сделал со мной дальний космос. Он необратимо меняет нас! Ты просто не представляешь, что такое оказаться одной среди чужих... – Его щека, там, где виднелся старый шрам, непроизвольно подергивалась.

Она долго молчала, затем тяжело вздохнула.

– Ладно. Поговорим потом, – сдерживая эмоции, примирительно предложила Мишель. –
Давай ужинать, а?

Глава 2

Девятьсот световых лет от границ Рубежа. Борт торгового корабля «Гермес»...

Тревожный сигнал попискивал, не умолкая.

Сегмент переборки скользнул в сторону, открывая доступ в скрытые отсеки переоборудованного транспорта армахонтов.

– Мишель? Ты тут? Что происходит?!

– Не могу понять! – Она работала с системами ручного управления, компенсируя неожиданный дрейф.

Родион Бутов быстро прошел между грузовыми контейнерами, сел во второе кресло, активировал консоль, пробежал взглядом отчеты подсистем.

Очередной прыжок едва не завершился катастрофой!

– Н-болг не отвечает! – встревоженно доложила девушка. – Звезда системы нестабильна! Наша защита на пределе!

– Врата? – Родион Иванович никак не мог найти их отметку.

Мишель укрупнила изображение. Комья расплавленного металла – вот во что превратились древние устройства, формирующие гипертоннели!

Самообладание на миг изменило Бутову. Всего минуту назад они покинули узловую станцию Наймурт. Ничто не предвещало проблем. Маршрут внепространственной сети, ведущий к Н-болгу З’Ашт, считался проверенным, стабильным и безопасным!

«Сбой в навигации? Нас переместило не по адресу, в какую-то иную звездную систему?»

Он сверился с последними маркерами сети и понял: навигационные блоки в порядке! Модуль технологической телепатии транслировал в рассудок потоки данных, свидетельствующих, что неполадка возникла при обратном переходе. Не будь на борту «Гермеса» дополнительных устройств, способных стабилизировать пульсационные разрывы метрики, от корабля осталась бы только пыль!

– Мы в границах узла З’Ашт! – констатировал он.

– Но я не вижу Н-болг!

– Станция прямо по курсу! Бери на тридцать градусов правее! Вот так! Отлично! А теперь отдышись! – Бутов принял управление.

Зрачки девушки расширились. Вокруг бушевал настоящий солнечный шторм. По левому борту медленно проплывало нечто огромное, лишь отдаленно, в общих чертах похожее на узловую станцию!

– Отсканируй характеристики звезды. – Требовательный голос Бутова вернул ее в реальность, не дал запаниковать. – Я займусь Н-болгом, попробую выяснить, что тут приключилось?

– Мы вне сети?! – с дрожью в голосе взволнованно спросила она.

– Да, – лаконично ответил Родион Иванович, но тут же добавил: – Это не проблема, поверь, выберемся в любом случае! – Он хотел укрупнить изображение станции, но вопреки желанию мешала работа электромагнитного щита, отклоняющего потоки заряженных частиц, заставляющего их огибать обшивку «Гермеса».

...

Мишель воспользовалась минутой передышки, пытаясь прийти в себя после испытанного шока.

Третий месяц они двигались по следу таинственного сигнала. Сотни световых лет остались за кормой. Иногда казалось, что путеводная нить окончательно потеряна, и тогда приходилось делать длительные остановки, по крупицам собирать информацию, действуя осторожно, ведь излишнее любопытство и настойчивость вызывают подозрения.

Роль торговцев им удавалась вполне. Отец и дочь, путешествующие между мирами на стареньком, выдавшем виды грузовом корабле, что может выглядеть зауряднее?

Им удалось отыскать семь Н-болгов, где принималась странная передача, исходившая из гиперкосмоса. Теперь подлинность записи, доставленной Эшором, уже не вызвала сомнений. ЦОсты независимых станций охотно торговали информацией. Обычно после стыковки с очередным узлом древней сети Мишель копировала все выставленные на продажу массивы данных. Как правило, это были старые навигационные карты, секторы и другие бесполезные в современности сведения. Морфы, считая, что совершают выгодную сделку, не обращали внимания на то, что незадачливые хомо приобретают фрагменты никому не нужной, никем так и не понятой трансляции.

До сегодняшнего дня поиск проходил без особых осложнений. Временами путешествие даже начинало наскучивать, казалось рутинным. Как справедливо заметил отец, созданная армахонтами внепространственная сеть тут разорвана в клочья. Из тысяч существовавших ранее маршрутов уцелели единичные гипертоннели. Часто приходилось искать окольные пути, терять время, чтобы добраться до интересующей станции.

Казалось, цель уже близка. Исходная запись пополнилась несколькими новыми незначительными фрагментами. Оставалось отыскать три Н-болга и передать Стременкову набор координат для точных расчетов...

...

Свет тускло мигнул. Защита работала на пределе, стремительно истощая ресурс корабля.

– Родион Иванович, звезда вполне заурядная. – Мишель получила показания сканеров дальнего действия. – Нет никаких предпосылок для подобной активности. Вспышка сверхновой исключена. Да и планетарной туманности я не вижу!..

Бутов вывел на экран данные с зондов.

От станции остался лишь изуродованный корпус!

– Что же тут произошло?! – Мишель похолодела, заметив конструкции, вплавленные друг в дружку. – Никакое оружие не в состоянии причинить межзвездному узлу такой урон! – испуганно вскрикнула она.

Один из зондов тем временем нырнул в деформированный тоннель и вскоре оказался на одной из торговых палуб.

Повсюду в невесомости кружил пепел. На оплавленных, покоробленных стенах датчики неожиданно очертили контуры фигур – бледные тени существ, сгоревших в момент загадочного, разрушительного и рокового события.

Мишель была потрясена. Ее губы невольно дрогнули, искривились.

Бутов сохранял сосредоточенную невозмутимость. Просмотрев данные, он лишь покачал головой.

– Я не нахожу разумного объяснения. Нужно убираться отсюда! Защита «Гермеса» долго не выдержит! Тут смогут работать только специальные исследовательские корабли! – отрывисто продолжал он. – Я отправлю сообщение, как только окажемся в пределах сети.

– Но устройства пробоя метрики разрушены! – Мишель окончательно растерялась. Только сейчас она осознала всю тяжесть и безвыходность их положения.

– Это не проблема, – вновь успокоил ее Бутов, коснувшись сенсора. В полу открылась ниша, оттуда поднялась дополнительная консоль управления. – Твой отец настоял, – ответил он на взгляд девушки, полный страха, надежды и недоумения. – На борту «Гермеса» смонтированы контуры гиперпривода.

– Но ведь таниум так и не сумели синтезировать! – воскликнула Мишель.

– Небольшое количество элемента есть в конструкции любых врат, – ответил Родион Иванович. – Корпорация закупает и утилизирует любые обломки, доставленные из изолированных секторов.

– И сколько же удалось добыть?

– Двести пятьдесят граммов. За все время, – ответил Бутов. – Третью накопленного запаса выделили нам на случай крайних обстоятельств. Вот что. – Он отстегнулся от кресла, встал. – Мне нужно поместить капсулу с таниумом в ядро гипердвигателя. Ты пока рассчитай прыжок вот на эти координаты. – Он транслировал данные. – Это транспортный узел системы Оруг.

– Там есть представительство корпорации?

– Нет, но мы сможем выйти на связь с Рубежом, используя оборудование Н-болга. Сообщим о случившемся и получим дальнейшие указания. Справишься?

Мишель с усилием кивнула.

Страх, коснувшийся рассудка, медленно отпускал. Кончики пальцев все еще дрожали, когда она потянулась к сенсорной раскладке, чтобы вручную ввести координаты узла межзвездной сети.

Перед мысленным взором девушки то и дело возникали тени, оставшиеся от тысяч существ, погибших в один миг.

* * *

Завершив расчеты, Мишель попыталась выйти на связь с Бутовым, но тщетно. Отсеки, где располагались генераторы пробоя метрики, обладали дополнительной экранирующей защитой.

Автопилот уже внес поправки в курс, и теперь грузовой корабль удалялся от уничтоженной станции.

Звезды на обзорных экранах искажались. Защитное поле источало напряженное сияние. Ни один из зондов, отправленных на исследование Н-болга, не вернулся. Они передали данные, но не сумели выдержать обратного пути, затерялись в солнечном шторме.

Мишель еще раз проверила работу автоматики и отправилась на поиски Родиона Ивановича.

Вход в один из грузовых сегментов трюма был открыт. Она вошла внутрь, осмотрелась. Если честно, то девушка не интересовалась бортовыми грузами. Знала, что среди них скрыто дополнительное оборудование, принимала этот факт к сведению, но не стремилась узнать подробности. Ее увлекало само путешествие, возможность увидеть другие звездные системы, познакомиться с разными существами, ощутить себя свободной, независимой, взрослой.

«Что ж. Это вполне удалось». – В мыслях все еще стыли шоковые ощущения. Скука долгих перелетов, однообразие десятков узловых станций внезапно обернулись смертельной опасностью, которой она не ждала...

Высокие цилиндрические капсулы возвышались вдоль стен. Она машинально сканировала их содержимое и крайне удивилась. «Модули репликации?» – Мишель и не догадывалась, что на борту «Гермеса» есть оборудование, предназначенное для выращивания искусственных бойцов. Насколько она знала, эта технология, разработанная на Пандоре, попала под запрет и больше не применялась.

– Родион Иванович?

– Да? Я тут, проходи, только осторожно.

Она пошла, ориентируясь на голос, и вскоре оказалась в следующем сегменте трюма. Здесь возвышались шесть массивных контейнеров из темного толстого пластика. Бутов объединил их при помощи силовых кабелей, расположив в центре сферическое устройство.

– Почти все готово. – Он ободряюще улыбнулся. – Ну, ты чего сникла? Испугалась?

– Конечно, испугалась, – призналась Мишель. Откровенно говоря, удар по психике оказался сокрушительным и неожиданным. Она пыталась представить силу, способную уничтожить Н-болг, но воображения не хватало. На это нужен целый флот, и то не факт, что получится...

– А зачем нам модули репликации? – спросила она.

Бутов вскинул удивленный взгляд.

– А как сама думаешь? – Он повернул верхнюю часть сферы, проверил надежность подключения кабелей. – Зачем нам, к примеру, мобильный гиперпривод?

– Извини. Глупый вопрос. Но, – она пребывала в нерешительности. – Но ведь эта технология под запретом?

– Слушай, ну перестань, – отмахнулся Бутов. – Мы в тысяче световых лет от Рубежа. И произойти, как видишь, может всякое.

– Ладно, больше не буду. – Мишель просто хотелось говорить с ним о чем угодно, лишь бы не думать, что они могли не выйти из прыжка или заживо сгореть, откажи вдруг защита, да и... – Родион Иванович, а морфы Оруга разве не следят за вратами? Что мы им скажем? Ведь они заметят, что «Гермес» не использовал устройство армахонтов!

– Правильно мыслишь, – неожиданно похвалил девушку Бутов. – Нам с тобой никак нельзя попадать в поле зрения Ц'Остов. Поэтому я и выбрал систему Оруг. Очень оживленный транспортный узел. Там до сих пор действуют семь маршрутов, и кораблей ежедневно прибывает тысячи. Мы выйдем из гиперкосмоса недалеко от второй планеты. Это рискованно, но необходимо. Гравитация скроет деформацию метрики. А дальше придумаем, как влиться в транспортный поток. Я бегло просмотрел сведения по этому узлу, там, на второй планете системы, недавно обнаружили руины подводного города армахонтов.

– Сделаем вид, что хотели его изучить?

– Изучить, осмотреть, ограбить – мне без разницы, что о нас подумают морфы, главное, они о гипердвигателе «Гермеса» ничего не узнают! Денек проведем на орбите этого мира, присмотримся к транспортным потокам. Я сменю маркеры на корабле. В общем-то ничего сложного, поверь. Если надо – заберусь в их сеть, кое-что подправлю, чтоб на нас никто не косился и вопросов лишних не задавал. Таниума все равно хватит только на один прыжок. Пока будем выжидать, я генераторы гипердвигателя разберу от греха. Ну, ты как? – Он завершил настройки. – Готова?

Мишель кивнула. Преувеличенная бодрость и кажущаяся жизнерадостность Родиона Ивановича выглядели наигранными.

– Мы с тобой во всем разберемся, не переживай. А теперь пошли. Нечего нам тут задерживаться.

* * *

Система Оруг.

«Гермес», совершив успешный прыжок, вышел на орбиту безымянного, покрытого океаном мира. В далеком прошлом здесь располагался один из созданных армахонтами заповедников. Со временем подводные инфраструктуры пришли в упадок, разрушились под воздействием океана. Для колонизации планета не годилась из-за отсутствия суши, и этот мир, расположенный всего в нескольких световых минутах от Н-болга, оказался предан забвению.

Бутов в приказном порядке отправил Мишель отдыхать, а сам занялся демонтажем гипердвигателя. Увы, но для его многократного использования требовалось наличие массив-

ного ядра из редкогогалактического элемента. Те граммы, что выделил Егор Бестужев, позволили избежать смертельной опасности, но не более. Теперь ради собственной безопасности эмиттеры следовало разобрать и утилизировать.

Он уже заканчивал работу, когда услышал взволнованный голос девушки:

– Родион Иванович! Срочно поднимись в рубку!

– Мишель? – Он отложил инструмент. – Что случилось? Нас заметили?

– Нет! Но тут странный сигнал на датчиках!

Бутов мысленно соединился со сканирующими комплексами, однако ничего подозрительного не заметил.

– Ты ничего не напутала?

– Да нет же! – В голосе девушки звучала неподдельная тревога. – Сигнал на сканерах дальнего действия! Только что появился! Похоже на сигнатуру космического корабля!

– Хорошо, сейчас подойду!

...

– Ну показывай, что тут? – Родион Иванович не стал придирается, спрашивать, почему она не пошла отдыхать, а осталась в рубке, да еще взялась сканировать задворки системы, где кораблей нет и быть не может.

– Уже ничего... – виновато произнесла Мишель. Выглядела она бледной, осунувшейся. – Уснуть не смогла, думала время скоротать. Наверное, мне показалось.

– А что искала-то? – Бутов изучал показания сенсоров.

– Ну, вообще-то корабли армахонтов или хотя бы их обломки, – ответила девушка. – Они часто дрейфуют на окраинах звездных систем. С борта Н-болга их заметить трудно, особенно если реакторы на кораблях погашены.

– Дальнее сканирование могло нас выдать, – нахмурился Родион Иванович. – Ну-ка, подожди... А ведь тут действительно есть непонятный сигнал! – он сел в кресло, включил дополнительный блок локационной системы, маркером отметил пятнышко, появившееся за орбитой третьей планеты. Еще секунда, и оно вновь исчезло! – Не нравится мне это! Надо перенастроить комплексы слежения. Хоть и неудобная позиция, но придется рискнуть...

Мишель вполне понимала, о чем он говорит. Третья планета находилась сейчас по другую сторону солнца, на сорок семь градусов правее светила, если брать за точку отсчета позицию их корабля. Кроме прочего, между «Гермесом» и источником таинственного сигнала по орбите вокруг звезды двигалась станция Н-болг, она расположилась в левой полусфере сканирования.

– Надеюсь, нас не заметят, – Бутов приступил к активному поиску.

* * *

Неопознанная сигнатура появилась в двадцати девяти световых минутах от «Гермеса», в виде яркого, но лишённого подробностей энергетического пятна.

– Клянусь, минуту назад там ничего не было! – воскликнул Бутов.

Сканеры захватили цель, начали новый проход.

– Космический корабль? – Он максимально детализировал строение неопознанного объекта.

– Я вижу лишь структурированную энергоматрицу, – с осторожностью ответила Мишель, разворачивая трехмерную схему. После произошедших накануне событий она не переставала думать об уничтоженном Н-болге.

Взглянув на появившееся изображение, девушка мысленно отметила, что с борта станции и многочисленных кораблей, спешащих к ее причальным секциям, пришельца обнаружить невозможно.

– Родион Иванович, он использует звезду как щит! Что если это он уничтожил Н-болг З’Ашта?! – Мишель не удержалась, высказала вслух копившиеся в душе опасения.

– Не исключено... Но прятаться за звездой – преимущество, на мой взгляд, сомнительное.

– Почему?

– Если мы наблюдаем космический корабль, собирающийся атаковать станцию, то ему придется совершить затяжной маневр, чтобы на безопасном удалении обогнуть звезду, – пояснил Бутов. – Протяженность такого курса тридцать семь световых минут, по моим расчетам. Это примерно около суток полета, если у него современные двигатели и гасители инерции. За такое время пришельца заметят, и Н-болг подготовится к обороне. В сеть уйдет сигнал бедствия.

Мишель испуганно смотрела на показания датчиков.

Информация, полученная в системе З’Ашт, противоречила выкладкам Родиона Ивановича. Уничтоженный Н-болг не оказал сопротивления, морфы даже не успели поднять тревогу!

– А что, если пришелец обладает гипердвигателем и способен на короткий внутрисистемный прыжок? – предположила она. – Что, если это корабль неизвестной нам цивилизации, ну, той, что мы видели на записи?!

– Сейчас выясним, – мрачно предрек Бутов, вновь перефокусируя сканеры.

– Мы предупредим морфов? – осторожно спросила Мишель.

– Да, безусловно! – согласился Родион Иванович. – Но только в случае, если это действительно космический корабль. Пока что я вижу лишь странную энергоматрицу, и не более!

– Хорошо. Я на всякий случай подготовлю данные для передачи. Хотя, – девушка продолжала следить за показаниями датчиков, – откуда мы можем знать намерения пришельца? Что, если он прибыл с миром и не имеет отношения к инциденту в З’Ашт?!

Бутов ее сомнений не разделял.

– Незачем прятаться по другую сторону солнца, если ты решил просто посетить Н-болг!

– Разве мы не прячемся? – запрямылась Мишель. Зная морфов, несложно предположить: они воспримут предупреждение буквально. Слух об уничтоженной узловой станции наверняка уже распространился по сети, посеял страх. Ц’Осты не станут тратить время на выяснение всех обстоятельств. Им достаточно факта, что пришелец игнорировал устройства армахонтов. Он прибыл необычным путем, и это послужит достаточным поводом для начала боевых действий.

– Хорошо, и что ты предлагаешь?

– Отправим зонд. Пусть удалится от нашей позиции и передаст объективные данные. Мы ведь фиксируем энергетическую аномалию, и не более того!

– Согласен. – Бутов счел такую линию поведения вполне разумной. – Пусть морфы вышлют разведчиков, благо времени у них предостаточно.

* * *

Пылающая точка вопреки ожиданиям не изменила курс.

Сканеры оказались бессильны. «Сгусток энергии» – формулировка расплывчатая, неопределенная, но ничего иного от систем наблюдения добиться не удалось.

– Он увеличивает скорость! Двигается к солнцу! Пройдет сквозь фотосферу через пару минут! – воскликнул Бутов.

– Значит, это не космический корабль?! – разочарованно спросила Мишель.

– Объект маневрирует!

Мишель проследила взглядом за сложными изменениями траектории. Только управляемый полет способен дать такие изменения курса.

– Он сейчас войдет в солнечную корону! Там же температура в миллионы градусов! Ни одна обшивка не выдержит!

– А есть ли у него обшивка? – Вопрос Бутова застал девушку врасплох.

«С чем же мы столкнулись?» – она пыталась прочитать сигнатуру, меняла настройки, пробовала различные способы интерпретации данных, задействовала дополнительные сканирующие комплексы, предназначенные для исследования звезд.

– Родион Иванович! – невольно вскрикнула Мишель, когда режим съемки солнечных вспышек дал неожиданный результат.

Все-таки это был космический корабль!

Бутов взглянул на изображение, издал удивленное восклицание. Много он повидал на своем веку. И корабли армахонтов, и летающие города Эшра, и немало других удивительных конструкций, но такого не встречал!

Объект состоял из энергий! Его окружал тусклый ореол синеватого свечения. Корпус (если этот термин применим к силовому полю, очерчивающему формы и объем загадочного корабля) делился на три элемента: каплевидную корму, плавно перетекающую в приплюснутый цилиндр, и расположенный горизонтально диск, образующий носовую часть прищельца.

– Двадцать пять километров в длину, пять в наибольшем диаметре! – взволнованно комментировал Бутов. – Он вошел в корону! Огибает протуберанцы! Структура корабля. – Последнее слово прозвучало хрипло, – Структура не реагирует на гравитацию, магнитное поле и температуру среды!

Мишель, затаив дыхание, не в силах произнести ни слова, следила за происходящим. Аппаратура, предназначенная для исследования звезд, с поставленной задачей справилась, и в объеме голографического монитора сейчас стремительно детализировалась модель чужого корабля, нырнувшего в этот миг под изгибающиеся петлеобразные протуберанцы, образующие огненную анфиладу над условной границей фотосферы.

Он уверенно и целеустремленно двигался среди метаморфизирующих плазменных выбросов, вздымающихся на миллионы километров!

– Смотри же, смотри! – Бутов привстал, потеряв самообладание. Его рука прошла сквозь изображение, указывая на только что появившиеся элементы внутренней структуры прищельца: под защитой силового поля располагались некие ажурные конструкции, – вероятно, именно они задавали форму корпуса! Еще «глубже», за дымчатой вуалью струящихся энергетических искажений, без видимой опоры парило множество дисков! Некоторые висели неподвижно, другие медленно перемещались, следуя определенными маршрутами.

Еще мгновение, и прищелец нырнул в фотосферу звезды, видоизменяясь по ходу опаснейшего маневра.

Его корма начала раздуваться, в средней части корпуса, где теперь наблюдались скопления дисков, внезапно появились четыре симметричных выроста, принявшие форму лепестков. Носовая часть пока что осталась без изменений, лишь по закругляющемуся периметру ее кромки сформировались энергетические жгуты – извиваясь, они выдвинулись за границы силового поля, по-видимому, измеряя плотность, химический состав и температуру окружающего звездного вещества!

Объемное изображение по-прежнему оставалось четким, контрастным. Взглянув на развертку сопроводительных данных, Мишель поняла, почему так происходит. Температура внутри силового поля не изменилась ни на градус. Чужой корабль с легкостью пронзал солнечную атмосферу. Зримые потоки раскаленного звездного вещества омывали его, вытягиваясь вслед движению пылающим шлейфом...

Технологии неведомой космической расы не имели аналогов, превосходили любые достижения современных цивилизаций, пожалуй, на фоне возможностей, продемонстрированных чужим кораблем, бледнело все, включая техносферу легендарных армахонтов!

Мишель коснулась сенсора, увеличивая изображение. Кончики ее пальцев побелели и дрожали. «Зачем он нырнул в фотосферу?» – спрашивала себя девушка, понимая, что у каждого маневра есть определенная цель.

Почему же на ум не приходило ничего хорошего? Откуда взялось въедливое чувство тревоги, граничащее с откровенным страхом перед назревающими событиями?

«Существа, настолько развитые и могущественные, должно быть, путешествуют по Вселенной, изучая ее тайны. Какое им дело до цивилизаций, прозябающих на обломках величия армахонтов?»

На самом деле пылкий рассудок девушки успел связать полученную накануне информацию с происходящим, интуитивно предугадать дальнейшее развитие событий, предотвратить которые уже невозможно...

– Связь с Н-болгом, Родион Иванович! Скорее! – не выдержав, взмолилась она.

– Пробовал! Не работает! – отрывисто ответил Бутов, неотрывно наблюдая за таинственным кораблем.

Четыре эллипсоидных выроста, образованные по всему периметру цилиндрической части чужого, внезапно изменили свойства. Если секундой ранее они имели вид пылающих силовых линий, обозначенных лишь контуром, то теперь их напитала энергия.

Фотосфера взъерилась.

По видимой поверхности солнца прокатилась судорога искажений. Сотни плазменных выбросов ударили в пространство, но это было лишь незначительным побочным эффектом произведенного пришельцем воздействия: его «лепестки» захватили четыре сгустка звездного вещества, и корабль, плавно изменив курс, устремился в направлении Н-болга.

Мишель непроизвольно вцепилась в подлокотники кресла.

Корабль вырвался из солнечной атмосферы. За его кормой бесновался плазменный шторм, который вскоре достигнет планет, опалит их, навсегда изменит ход эволюции, но, по всей видимости, начавшийся катаклизм расценивался пришельцами как «сопутствующий урон» – их главной целью являлся Н-болг!

Бутов ошибся в расчетах, оценивая время, необходимое загадочному кораблю для атаки станции. Он не мог предвидеть *такого* развития событий.

«Лепестки» угасли, а четыре сгустка захваченного ими звездного вещества устремились в направлении Н-болга.

Чужой резко сбросил скорость. Диск, образующий носовую часть корабля, пришел в движение, поворачиваясь перпендикулярно оси курса, вытягивая длинные, переплетающиеся между собой жгуты энергии в направлении грядущей катастрофы.

Сгустки разрушились. Четырем исполинским протуберанцам, извергнутым со скоростью сотен километров в секунду, требовались считанные минуты, чтобы преодолеть расстояние до приговоренной станции!

Спасения не было.

– Зачем?! – вскрикнула Мишель.

Родион Иванович мрачно смотрел, как чужой корабль, объятый пронзительным мерцанием, развернулся, двигаясь между исходящим от звезды, набирающим силу плазменным штормом и четырьмя пылающими выбросами.

Чужие действовали наверняка. Никто не способен противостоять их оружию или укрыться от него. Ни одна из известных Бутову космических конструкций не выдержит такого испытания, разве что «Созидатель Миров»?

Пожалуй, сборщики энергии, поставляющие ее модулю молекулярного репликатора, могли бы утилизировать один из выбросов, и то не факт. Учитывая потревоженную фотосферу звезды и надвигающийся плазменный шторм, любое противодействие бесполезно и даже бессмысленно!

– Зачем они это делают?! – потрясенно шептала Мишель.
Она не отвернулась, хотя хотелось зажмуриться, не смотреть.
Н-болг вспыхнул.

Древняя, давно пришедшая в упадок конструкция выставила слабенькие щиты, но они не продержались и секунды. Обшивка станции мгновенно раскалилась, вспухая магниевыми волдырями, извергаясь в космос гейзерами расплавленного вещества, смешанного с декомпрессионными выбросами.

Мутные облака, окутавшие Н-болг, тут же рассеяло ураганскими порывами солнечного ветра.

Огромные по площади участки брони испарялись, обнажая ребра каркаса – они светились, теряя прочность, деформируясь, оплывая...

К этому моменту на борту станции уже не осталось никого живого.

– Уходим! – Родион Иванович коснулся руки Мишель, накрыл ее дрожащие пальцы своей ладонью. – Соберись. Мы должны выжить!

– Они... – Девушка смотрела, как разрушается станция. Ее лицо приняло землистый оттенок. – Они сделали это намеренно!

– А как ты думала? Разве мы не видели последствий такой же атаки?

– Я надеялась. До последнего надеялась, что это случайность!

– Не время сейчас! – Бутов повысил голос. – Ну? Ты нужна мне! Приди в себя!

– Я в норме... – Мишель окатила его пустым, заледеневшим взглядом. – Я в норме... – повторила она, хотя сама не верила в сказанное, едва ли слышала, что говорит, но пальцы уже машинально коснулись текстоглифов, вводя команды.

Взвизгнули приводы пилотажного кресла. В полу рубки обозначились прорези, из них начали подниматься сегменты герметичной капсулы. Еще секунда, и они сомкнулись, их внутреннюю поверхность подернуло дымкой силовой защиты, поверх спроецировались экраны телескопического обзора, заработал модуль мысленного интерфейса, вновь взвизгнули сервомоторы, поднимая астронавигационные рули.

Чужой корабль исчез в черной, пронизанной нитевидными прожилками энергий воронке гиперперехода.

Бутов уже проложил курс, уводящий вниз к поверхности покрытой океаном планеты.

* * *

Грузовой корабль пронзил атмосферу.

В небесах приговоренного мира бесновались сполохи разноцветного сияния – первые предвестники надвигающегося плазменного шторма.

Используя антигравитационный двигатель, «Гермес» снизился над гладью океана, затем с глухим плеском коснулся поверхности и начал быстро погружаться под воду, оставляя за собой пенистый след пузырьков.

Бутов задействовал дополнительные системы локации. По этой планете имелись только устаревшие данные. В далеком прошлом здесь располагался один из многочисленных природных заповедников, созданный армахонтами. С тех времен сохранились лишь каркасы подводных куполов, откуда строители межзвездной сети могли наблюдать за глубоководной жизнью.

Мишель молчала. Уничтожение станции потрясло девушку. Воображение рисовало ей ужасные картины. По самым скромным подсчетам, к моменту атаки на борту Н-болга находились десятки тысяч существ. Морфы, населяющие станцию, экипажи космических кораблей, прибывшие для торговли, остановившиеся на отдых или зашедшие в док для мелкого ремонта и пополнения припасов.

«В чем их вина? Почему по воле таинственных пришельцев они сгорели вмиг, превратились в бледные, едва заметные тени на фоне искаженных адскими температурами поверхностей?»

Не в силах оттолкнуть жуткие видения, она все больше мрачнела.

Мрак окутал корабль. На экранах проступили контуры подводных хребтов, затем появились пострадавшие от времени участки разветвленной инфраструктуры глубоководного поселения. Рукава обветшавших тоннелей вели в различных направлениях, соединяя между собой остовы куполов. Ранее их герметизировали защитные поля, но источники энергии давно иссякли, океан ворвался внутрь.

Бутов передал обновленные данные курса. Он намеревался найти укрытие под сводами центральной постройки комплекса.

– Придется выйти наружу. У нас очень мало времени. Попробуем подключить питание к системам защиты.

– Разве толщи воды недостаточно?

– Боюсь, что нет, – ответил Родион Иванович. – Вспомни, что случилось с планетами З’Ашта!

Мишель невольно поежилась.

Почему случившееся вызвало глубокое и острое чувство сопереживания? Симпатия к инопланетным существам никогда не являлась отличительной чертой ее характера, а здесь, в изолированных секторах, за тысячи световых лет от Рубежа, два человека, путешествующие без должной охраны, рассматривались многими обитателями Н-болгов как легкая и даже законная добыча. Морфов и эшрангов Мишель откровенно недолюбливала, к хонди (по известным причинам) относилась нейтрально. Звенги казались ей крикливыми и бестолковыми. Циритов она опасалась: никогда не знаешь, что на уме у вышедших из-под контроля биологических роботов исчезнувшей цивилизации. Кроме перечисленных существ, на станциях им встречались представители ранее незнакомых рас. Чаще всего их экзотический вид вызывал лишь настороженность.

Они облачились в скафандры и покинули корабль.

Мишель двигалась вслед за Бутовым, не теряя его из виду, стараясь не отставать.

Нечто потаенное встрепенулось в ее душе под сокрушительным напором событий.

«Чувство вселенской справедливости? – Она лишь покачала головой в ответ навязчивым мыслям. – Глупо. Я должна страшиться увиденного, невольно примерять продемонстрированную пришельцами мощь к системам Рубежа. Думать, как защитить родные миры, а не переживать по поводу Н-болга. Случись кому-то из его обитателей встать на нашем пути, я действовала бы не задумываясь, разве не так?»

– Родион Иванович, как ты справляешься с этим?

– С чем? – не понял Бутов.

– Ну, тебе жаль погибших? Они чужие, а все равно – сердце щемит. Не понимаю, что со мной не так?

Он остановился. Корабль погрузился под своды разрушенного купола и теперь лежал на песчаном, лишенном растительности дне. Вокруг царил мрак, и лишь системы сканирования позволяли видеть контуры окружающего рельефа.

– Не понимаешь, что с тобой?

– Нет, не понимаю! – Мишель не хотела его отвлекать, но затянувшийся внутренний спор ей совершенно не нравился.

– Думаю, ты испытываешь обыкновенное сострадание, разве не так?

– Любой из морфов, представься случай, придушил бы нас, чтобы завладеть кораблем.

– Верно, – усмехнулся Родион Иванович. – И не только морф, но и любой из чужих, – добавил он, жестом указав на отлогий нанос песка, образованный придонным течением. – Нам туда.

Внезапно сполох яркого света пробился в глубины, на миг озарил все вокруг, вырвал из тьмы плавно изгибающиеся балки купола, облепленные бесцветными студенистыми наростами, и изящные, наполовину погребенные в песке постройки, над которыми царил слоистый выступ скал, украшенный потрескавшимися барельефами.

И этого Мишель не понимала.

Созидать, строить, вывести на просторы космоса десятки цивилизаций и вдруг все бросить, исчезнуть, равнодушно раствориться в бездне пространства, не оглядываясь назад, продолжить жить где-то в иных пределах, ни о чем не сожалея, не беспокоясь, – разве это не верх циничной жестокости?

«Мы не рождаемся ангелами или демонами, но становимся ими, совершая поступки, выбирая свой путь», – внезапно вспомнились ей слова отца.

– Как я могу сострадать тем, кого откровенно недолюбиваю? – вырвалось у нее. – Похоже на двуличие, – немного тише добавила она.

– Раньше я тоже не понимал. – Бутов при помощи устройств скафандра очистил от песка вход в постройку. Наклонный люк крепко прихватило многовековыми отложениями, и он не поддавался усилиям. – На Пандоре мы воевали с эшрангами, хонди, морфами – со всеми, кто стоял на пути выживания. Но когда планета начала погружаться в аномалию, о ненависти пришлось забыть. Общая беда способна объединить кого угодно, – добавил он, выходя на связь с кораблем. – И это не двуличие. Жизнь. Сегодня ты страдаешь чужим, а завтра, встретившись с одним из них в темном коридоре Н-болга, позволишь ли ограбить себя?

– Нет!

– Вот и я о том. Уж поверь, много раз зарекался, по полочкам все раскладывал: с кем дружить, кому сострадать, а кого ненавидеть. – Он отвернулся, глядя на медленно приближающийся корабль. – Вот только не выходит по-моему. Не разделить мир на черное и белое. И за примерами далеко ходить не надо. Взять Эшора. Вместе вырвались с Пандоры. Вместе сражались на Рубеже против морфов. Братья по оружию, верно? – усмехнулся он, отходя в сторону. – А встретил его недавно на станции – скулы свело от ненависти. Знаю ведь, пакость очередную эшранг затеял. Возьмешься судить меня за двуличие?

– Нет. – Мишель тоже посторонилась. Вспышки над океаном стали ярче и чаще. Их отсветы проникали в глубины, озаряя рельеф дна мягкими сполохами.

Транспортный корабль выдвинул стыковочный сегмент, сверкнул устройством плазменной сварки.

– Пошли.

В боковой части короткого тоннельного перехода обозначился люк.

– Но как же мне разобраться? – Мишель последовала за Бутовым. Автоматика уже вскрыла вход в древнюю постройку. За вырезанным отверстием гнезился плотный мрак.

В шлюзе появились сервы. Один шустро проскользнул вперед, ведя разведку, второй, нагруженный энергоблоками, пока оставался на месте.

– Забудь все, о чем мечталось, – посоветовал Родион Иванович, вслед за сервом перешагнув порог древней постройки. – Легко не будет. Это с Рубежа все выглядело понятным. А здесь каждый раз приходится действовать по ситуации. – Он остановился, поймал взгляд Мишель. – И особо далеко наперед не загадывай.

Последняя фраза Бутова отрезвила. Он говорил с ней честно и открыто. Ни подыгрывать ее чувствам, ни грубо ломать их не собирался, но предлагал посмотреть правде в глаза.

Н-болг уничтожен. Стационарные пробойники метрики превратились в шлак. «Мы сейчас *вне сети*, без связи, без реального способа вырваться из звездной системы, охваченной плазменным штормом».

Мишель догнала Родиона Ивановича, пошла вровень, благо ширина уводящего вниз коридора позволяла.

– При снижении я сканировал комплекс, – не дожидаясь вопросов, пояснил он. – Под нами расположен технический уровень.

– Но он ведь затоплен!

– Не беда. Аварийные системы армахонтов очень надежны и весьма специфичны.

– Стазис? – Мишель вдруг стало зябко, неуютно. Да, взгляд из глубин хорошо защищенных лабораторий Рубежа резко отличался от грубого восприятия реальности. Дистанционно изучать устройства армахонтов, скользить от узелка к узелку их сети, используя сохранившиеся каналы обмена данными, видеть существ, объятых изумрудным сиянием безвременья, и самой оказаться на их месте...

– Нет, стазис нам никак не подойдет, – вразрез с ее мыслями ответил Бутов. – После всего, что удалось узнать, застрять тут на неопределенное время – не выход. – Он остановился перед массивными, плотно закрытыми дверями, маркированными знаками опасности. – Хочу разблокировать технический портал и загнать наш корабль поглубже. Надеюсь, что системы защиты сработают при критическом уровне угрозы.

– Я так не думаю, – возразила Мишель. – Почему купола разрушились? Здесь нет энергии, разве не очевидно?

– Поначалу обойдемся автономными источниками. Затем подключим питание с борта нашего корабля. Главное, чтобы времени хватило.

* * *

Технический уровень простирался на многие километры. Сканирующие комплексы скафандров вычерчивали схемы коммуникаций в радиусе пятидесяти метров, дальше их излучение не проникало.

Вода в коридорах и залах постепенно пошла на убыль. Сначала под сводом начали встречаться воздушные карманы, затем уровень затопления существенно понизился, и теперь они брели по колено в морской воде. Многие устройства, законсервированные стазисом, выглядели неповрежденными, но до них не добраться, а отключать эмиттеры Бутов отказался наотрез.

– Последствия непредсказуемы, – объяснил он. – Будь тут вакуум, еще куда ни шло. Но с водой шутки плохи!

Мишель и сама это понимала. Двигаясь вслед за Родионом Ивановичем, она с настороженным любопытством поглядывала по сторонам. Локальные зоны стазиса попадались часто, и каждый раз сердце невольно замирало от мысли: «А вдруг в очередном поле замедления времени заключено не оборудование?»

Встретить армахонта – это ли не мечта всей жизни? Особенно сейчас, когда их вмешательство было бы уместным, неоценимым!

Увы. Аварийные системы сохранили важные устройства, но не живых существ. Видимо, к моменту затопления подводного города он был давно покинут.

– Сюда! – Бутов свернул, остановился, сверяясь с электронной картой уровня, спроецированной на забрало его гермошлема. – Впереди док. Если подадим питание к его механизмам, то сможем открыть ворота и завести наш корабль внутрь! Разберешься в этих консолях? – Он указал в сторону приподнятой над уровнем воды площадки, где серыми обтекаемыми контурами виднелся комплекс оборудования.

Мишель поднялась по широкой лестнице. Модуль управления имел вид многоуровневой «подковы». На полу, среди лужиц воды, валялись три кресла. В былые времена они свободно перемещались в поле антигравитации.

Как правило, системы армахонтов работали в режиме «полный автомат», но для них всегда предусматривалась резервная опция ручного управления.

«Зачем?» – часто спрашивала себя девушка, прекрасно зная – сети наномашин, обращающиеся в крови строителей сети, обеспечивали им связь с исполнительными механизмами, позволяли сформировать виртуальную рабочую станцию где угодно, при любых обстоятельствах. Армахонты обладали абсолютной властью над созданной ими техносферой и не нуждались в примитивных аварийных устройствах. Эти кресла, каскады пультов выглядели излишними, неуместными.

«Да, но именно при помощи таких вот полуавтоматических систем морфы до сих пор управляют Н-болгами», – думала она, осматривая темные панели.

Складывалось впечатление, что резервные посты созданы намеренно, словно армахонты заранее знали – однажды им придется покинуть этот сектор пространства, и тогда примитивные консоли, с которыми умеют обращаться морфы, спасут жизни миллиардов различных существ.

Она отыскала силовой модуль. Серв, следовавший за нею по пятам, без труда вскрыл кожух. Внутри небольшой ниши располагались усеянные кристаллами схемы и два темных, давно истощенных источника энергии.

В крови Мишель тоже обращались древние колонии нанитов. Она получила их от отца путем обыкновенного переливания крови, но абсолютной власти над техникой армахонтов не приобрела. Многие функции наносети так и остались заблокированными. Виной тому – хондидийский нерв.

Серв извлек разряженные энергоячейки, установил в гнезда принесенные с собой накопители.

На консолях управления появились редкие световые сигналы, в основном свидетельствующие о неисправностях.

– Ну, что там? – спросил Бутов.

– Док открыть не смогу, – ответила Мишель.

– А в чем дело?

– Вода хлынет внутрь. Раньше тут использовался энергетический шлюз. Наших источников питания явно недостаточно для его формирования!

– Серв справится с управлением?

– Нет.

– Но ворота ты сможешь открыть? – настойчиво допытывался Родион Иванович, осматривая мощное перекрытие наполовину врезанного в скалы сооружения.

– Да, но какой смысл? Тут же все затопит!

– Нам нужна дополнительная защита. Я возвращаюсь на корабль. Разгерметизируй док, только осторожно.

– Осторожно не выйдет. Механизмы в ужасном состоянии.

– Ладно. Меняемся. – Он взобрался на платформу. – Просто покажи, где и что нужно нажать?

– Удар воды будет очень сильным!

– Я закреплюсь. – Бутов выпустил технические манипуляторы скафандра, и они впились в конструктивный элемент платформы. – Видишь? Все в порядке.

Мишель не хотелось оставлять его одного, но спорить с Родионом Ивановичем бесполезно.

– Вот модуль управления воротами. Боюсь, вода замкнет цепи питания. Может, не рисковать?

Ответом ей послужил сильный подземный толчок.

– Поспеши! – не принял возражений Бутов.

– Нет, я останусь с тобой! – заупрямилась девушка. – Канал связи устойчивый. Подведу корабль к доку на дистанционном управлении.

– Ну хорошо. Действуй.

* * *

Плазменный шторм набирал силу. Верхние слои атмосферы переливались всеми цветами радуги. Океан нагревался, над его поверхностью разыгралась буря.

Мишель вела корабль на глубине пятисот метров. Здесь не так сильно ощущались удары стихии, лишь изредка происходили подземные толчки, да из трещин скалистого дна вырывались, устремляясь к поверхности, гейзеры пузырьков.

Разведывательные зонды, отправленные в атмосферу, отказывали один за другим, не проработав и минуты.

Времени на разговоры не осталось. С каждой минутой ситуация становилась все сложнее и напряженнее. Бортовые датчики корабля вновь зафиксировали серии всплеск, озаривших дно. В пучинах океана набирали силу тектонические процессы, Мишель чувствовала их отголоски в виде сильных, внезапно возникающих течений, омывающих подводное плоскогорье.

Нужно отдать должное Бутову: он избрал оптимальный вариант для спасения. Погрузись они на большие глубины – угодили бы в зону извержений. Остаться на поверхности тоже не вариант. Лишь тут, под защитой толщи воды, скал и сохранившего надежность древнего сооружения, у них был шанс пережить надвигающуюся катастрофу.

Пока Мишель вела корабль к доку, Родион Иванович протестировал аварийные системы. По его указанию сервы произвели мелкий ремонт. Теперь появилась надежда, что затопление дока не вызовет серьезных разрушений и массивные ворота удастся закрыть.

– Сколько еще? – отрывисто спросил он.

– Меньше километра.

Бутов проверил надежность креплений ее скафандра, предупредил:

– Открываю технические люки. Начинаю затопление.

Еще секунда – и внутрь с ревом хлынула вода.

Пенясь, дробясь на потоки, закручиваясь водоворотами, она скрыла под собой докировочные механизмы, стремительно поднялась до уровня площадки, где находились люди, затем напор уменьшился, под сводом образовался обширный воздушный карман. Как Бутов и рассчитывал, большинство консолей управления не пострадало.

– Триста метров.

– Открываю створы!..

Массивные ворота, теперь полностью скрытые под водой, дрогнули, начали раздвигаться.

– Сто пятьдесят метров. Проем еще слишком узкий!

– Ничего страшного! Приводы продолжают работать!

Она закусил губу, сбросила скорость, пытаясь удержать корабль на одном месте. Восприятие раздваивалось. Находясь на прямой связи с системами транспорта, Мишель видела происходящее с разных ракурсов. Она стояла подле древних консолей управления и одновременно парила в толще воды, над каменной площадкой, напротив отвесной стены, в которой медленно открывался овальный проем.

Течение становилось все сильнее, норвило снести корабль в сторону, но их усилия не пропали зря. Мишель удалось удержать транспорт в заданной позиции, пока ворота дока не открылись на достаточную ширину!

Она вновь задействовала планетарные двигатели. К счастью, все грузовые космические суда оснащались гибридной силовой установкой. Типовые решения, разработанные армахонтами, аккумулировали опыт межзвездной торговли, предполагающий посадки на планеты с различными средами.

Еще минута, и транспорт успешно вошел в док, поверхность воды вскипела, над ней показалась верхняя часть обтекаемого корпуса.

– Отлично! – Бутов продолжал работать ручным управлением. – Мишель, бегом на борт! Я закрою ворота и иду следом!

– Вместе пойдем! – отрывисто ответила она.

– Нет! Уходи! Немедленно! – Родион Иванович, не отключая страхующих его захватов, немного сместился, насколько позволила гибкость манипуляторов, чтобы закрыть от девушки тревожно помаргивающий сигнал: ворота не спешили закрываться!

Мишель нехотя подчинилась. Технологическая оснастка ее скафандра сложилась в походное положение, и девушка сделала шаг в направлении лестницы.

Еще один яркий сполох прорвался внутрь, свет брызнул из-под воды, озаряя огромное помещение нитевидными, струящимися по своду бликами.

Мишель испуганно обернулась, заметила, как массивные створы дрогнули, начали медленно смыкаться, но Родион Иванович почему-то медлил, не спешил деактивировать захваты. Он тянулся к консоли, расположенной справа. Мишель помнила, там находился неработающий экран и группа переключателей, отвечающих за аварийный сброс параметров энергетической защиты.

Ее охватил страх.

«Какую процедуру он пытается отменить, если технический уровень давно омертвел, лишился питания?!»

Она не успела задать вопрос. Внезапно раздался оглушительный рокот, судорогой прокатилась серия мощных подземных толчков, свет, прорывающийся внутрь дока, стал яростным, нестерпимым.

Вода неожиданно вскипела. Густой пар мгновенно взвихрился вокруг, образуя непроницаемый для взгляда полог, датчики скафандра отказали, последнее, что запечатлело ее сознание, были рубиновые искры аварийной индикации, прыснувшие по внутреннему ободу забрала...

* * *

Мишель с трудом пошевелилась.

Ее разум еще сковывал ужас, из пересохшего горла рвался крик, мышцы дрожали от перенапряжения, но сервомоторы не подхватили усилие. Она слышала скрежет, ощутила, как сочленения бронескафандра вибрируют, преодолевая непонятное сопротивление.

По забралу гермошлема струился песок.

Кровь отхлынула от лица. Страх цепко схватил за горло, не давая дышать. Она отчетливо помнила внезапно вскипевшую воду и густой пар, окутавший все вокруг, так откуда же тут взяться песку?!

Где Родион Иванович? Что с ним?

Мишель со стоном перевалилась на бок, с усилием приподняла руку, но вновь почувствовал вибрацию, услышав скрежет, остановила начатое движение.

Скафандр неисправен. «Если произойдет разгерметизация, я погибну!»

Сердце, словно бешеное, молотилось в груди, и как же тут не надеть глупостей, если тревога плеснула через край, оглушила, стирая осторожность и здравомыслие?

Мишель вновь попыталась встать, но сервомоторы окончательно заклинило. Она могла сколько угодно напрягать мускулы, – это ни к чему не вело.

«Ладно... – В ушах шумело, во рту появился неприятный железистый привкус, – а если так?» – Она с трудом дотянулась кончиком языка до сенсора.

Среди алой россыпи аварийной индикации появился сиротливый изумрудный сигнал. Колонии нанороботов, являющиеся обязательным элементом оснастки бронескафандров, разработанных корпорацией «Прометей», сейчас активизировались.

Им требовалось от нескольких минут до часа на полное восстановление кинематических систем, все зависело от степени повреждения экипировки.

Мишель притихла. Ее тревога не исчезла, на глазах невольно выступили слезы, страх и неопределенность по-прежнему терзали рассудок, но к ним внезапно добавилась неодолимая слабость.

«Что же произошло?»

Не видя ничего вокруг (датчики скафандра не работали, а забрало гермошлема засыпало песком – он уже не струился ручейками, а лежал плотной массой), она вдруг испытала острый приступ клаустрофобии, будто была похоронена заживо.

Дыхание резко, непроизвольно участилось, зрачки расширились, затем вдруг наступил спазм, едва не окончившийся удушьем.

Слезы брызнули из глаз, потекли по щекам. Мгновения замешательства и слабости едва не стоили ей жизни. Каково ощутить себя погребенной под толщей песка в неработающем скафандре?

Информационные подсистемы не реагировали на мысленные запросы, она даже не могла узнать, сколько времени прошло с момента роковой вспышки.

«Сколько у меня осталось кислорода?»

Оперативные окна, прочерченные серыми контурами в объеме проекционного забрала, не несли ответов.

Неактивны? Кибернетические компоненты тоже не работают?

По горьковатому привкусу дыхательной смеси она поняла: устройство регенерации воздуха отключилось, и сейчас она дышит неприкосновенным запасом из небольшого резервуара, рассчитанного на шестьдесят минут автономного режима.

Песок по ту сторону забрала выглядел сухим.

Куда подевалась вода?

Где Родион Иванович? Что с ним?

Мишель с трудом сдерживала слезы. Никогда ранее она не попадала в подобные ситуации. Да, ее обучали приемам выживания, но пропасть между теорией и практикой сейчас казалась неодолимой.

Терпеть. Не сходить с ума.

Проще подумать, чем сделать.

* * *

Время тянулось медленно. Сначала вынужденное бездействие казалось ей совершенно невыносимым, но приводы по-прежнему не работали, и в какой-то момент восприятие поменяло знак.

Теперь каждая секунда, каждый вдох стали бесценными, невосполнимыми.

Жизнь ускользала. Дыхательной смеси становилось все меньше. Мишель не ощущала никаких признаков работы нанороботов, и зеленая искра индикации больше не внушала опти-

мизма. «Может, они не приступили к ремонту, и моя надежда не имеет под собой ничего, кроме... надежды?»

Внезапно на ободке забрала зажглась еще одна изумрудная точка.

«Ну, наконец-то!»

Она осторожно пошевелилась.

Песок вновь заструился тонкими ручейками-осыпями, затем вдруг хлынул беззвучным потоком. Яркий свет мгновенно затемнил забрало гермошлема. Мишель привстала, чувствуя, как заработали приводы скафандра, и вскрикнула от неожиданности.

Вокруг простиралась пустыня.

Солнце сияло в зените.

Скалы, торчащие из песка, отбрасывали резко очерченные угольно-черные тени.

«Атмосферы нет!...» – Она подавленно озиралась по сторонам.

Океан выкипел. Невдалеке виднелся иззубренный край скалистой гряды, с вкрапленными в нее фрагментами технических сооружений. Взгляд остановился на огромной покосившейся раме ворот, возвышающейся среди скал, скользнул ниже, где раньше располагались причальные приспособления подводного дока.

Транспортный корабль, наполовину погребенный в песке, выглядел ужасающе. Его обшивку оплавало, а местами и вовсе прожгло насквозь.

Губы дрожали. Еще никогда в жизни Мишель не испытывала столь сильного потрясения.

Она в полном оцепенении смотрела на корабль, не в силах пошевелиться. Ее зрачки расширились от ужаса.

Ледяное дыхание смерти парализовало волю, ведь жить оставалось считанные минуты! Нанороботы отремонтировали кинематику, но внутренние системы по-прежнему не работали. Регенератор воздуха, терморегуляция – все отказало!

Мишель судорожно всхлипнула. «Что же мне делать?!» Сердце молотилось в груди, в ушах стоял шум, перед глазами все расплывалось.

Сбоку прорывалось зеленоватое мерцание, и она невольно взглянула в ту сторону, наверное, уповая на чудо, но увидела картину жуткую, ирреальную: вспененный вал воды застыл в десятке метров от нее, в границах стазиса. Взгляд прошел сквозь вихрь замерших навеки пузырьков, проник глубже и дальше, где у древних консолей управления застыл Родион Иванович.

Вода захлестнула его до плеч. Одной рукой он держался за ветхий погнутый поручень, другой тянулся к панели ввода команд.

Боже...

Разработанные армахонтами системы включались автоматически в случаях чрезвычайных, когда иного способа спасения уже не существовало. Они могли работать веками, тысячелетиями. До сих пор тайны этой технологии не удалось разгадать, устройствами научились пользоваться, менять их настройки, замедлять и даже ускорять время, но еще никто не смог воспроизвести стазис при помощи собственного, вновь созданного оборудования!

Бутов попал в ловушку. Панель управления, посредством которой можно вручную отключить эмиттеры, оказалась законсервированной внутри поля.

«Ему никто не сможет помочь. Так же, как и мне...» – в отчаянии думала Мишель.

Индикатор давления дыхательной смеси принял тускло-оранжевый оттенок. Она ощутила жар – лучи солнца постепенно раскаляли скафандр.

Мишель наивно полагала, что готова к любым испытаниям. Она рвалась навстречу приключениям, жаждала невероятных открытий и только сейчас поняла, сколь равнодушна беспощадная стихия космоса. Отец предупреждал, приказывал, уговаривал, но она не слушала, считая себя вправе испытать судьбу.

«А как бы действовал он?» – метнулась мысль.

Представить отца, покорно склонившего голову в ожидании смерти, Мишель не смогла. «Он бы нашел выход!» – упрямо кричало подсознание, и да, да, она верила внутреннему голосу, ведь те, кто выжил на Пандоре, всегда и во всем боролись до конца! И побеждали!

«Но что бы он сделал?!» – надрывно, беззвучно кричала она, словно и впрямь ожидала ответа.

Взгляд остановился на погребенном в песках корабле.

«Он полон припасов! Беги к нему, пока есть силы, глоток воздуха, лучик надежды! Не думай ни о чем, – беги!»

Мишель задыхалась. Жар, постепенно проникший сквозь оболочки скафандра, уже казался нестерпимым, от него воздух становился сухим, горячим, в горле начинало першить, из легких рвался судорожный кашель.

«Беги!»

Она неуверенно встала, сделала шаг, затем еще один.

«Где-то поблизости край площадки!» – метнулась паническая мысль, но поздно – песок под ногами пришел в движение, увлекая ее за собой, вниз.

Она скатилась по отлогому склону, ударилась о выступ скалы, вскочила, озираясь по сторонам.

Борт корабля вздымался из-под наносов метрах в двадцати от нее. Ближайшая пробоина сочилась сумраком.

«Песок не выдержит моего веса! Я увязну!»

«Тень! Зайди со стороны кормы!» – бился в рассудке холодный, отрешенный от безысходной ситуации голос.

Она вняла интуиции, побежала, и действительно – в условиях вакуума, там, где резко очерченная тень корабля отсекала палящие лучи, песок под ногами вдруг стал твердым, видимо, солнце никогда не заглядывало сюда, оставив небольшой клочок пространства во власти холода и льда, сцементировавшего сыпучие частицы.

Боль разрывала грудь. Учащенное дыхание обжигало. Губы потрескались, сознание ускользало.

«Не стой на месте!»

Мишель кинулась к техническому люку, расположенному между двигательными секциями, но быстро опомнилась, остановилась в поисках другого пути, ведь шлюз не откроется, энергии нет, реактор давно погашен в аварийном режиме, иначе вместо корабля тут осталась бы остекленевшая воронка!

Но как попасть внутрь?

Индикатор давления принял красноватый оттенок.

Она представила деформированные переборки, намертво заклиненные межсекционные люки, внутренне сжалась, похолодела, но приступ отчаяния незаметно проскользнул мимо, бледным призраком канул в глубины рассудка, словно эмоции стали не важны, организм отказывался тратить на них последние капли сил.

«Ты знаешь, как действовать! Знаешь!»

Взгляд скользил по обшивке. Кормовая часть транспорта почти не пострадала. Броня потемнела, но следов плавления Мишель не заметила. Зато ее внимание привлек технический порт, закрытый «лепестковой» диафрагмой. За ней располагалось небольшое углубление, где установлена аварийная консоль, закреплен набор инструментов для ремонта корпуса, и – она вздрогнула – там же есть резервный модуль жизнеобеспечения!

Она бегом рванулась вверх по покрытому мелкой рябью песчаному склону, рухнула на колени подле спасительного люка, не задумываясь, сильным ударом продавila диафрагму, ухватила за края пружинистых «лепестков», используя мощь сервомускулатуры, разогнула их в стороны и увидела мертвые, лишённые энергии агрегаты.

В комплект инструментов входил набор соединительных кабелей. Она сильно рисковала, подключая один из них к внешним разъемам скафандра, ведь из пяти энергоблоков экипировки работал лишь один, последний, да и в нем емкость уже исчерпана на треть, но...

Острые, неведомые ранее чувства овладели ею. Все происходило на грани, на пределе выносливости психики. Одно неверное движение, одна ошибка, и жизнь оборвется короткой мучительной агонией – Мишель понимала это отчетливо, но куда подевался страх? Дрожали пальцы, сжималось сердце, но страха не было.

«Вот и все...» – Она коснулась сенсора на запястье, переключая питание.

На выступе модуля жизнеобеспечения вспыхнул рубиновый сигнал, затем на контрольном дисплее устройства появился столбец сообщений, шли секунды, а автоматика бездействовала, и ей пришлось задержать дыхание, экономя последние глотки воздуха.

«Неужели все напрасно?!»

В тени корабля царил лютый холод. Если несколько минут назад Мишель страдала от высокой температуры, то теперь почувствовала стылый озноб. Видимо, внешние слои скафандра сильно повреждены – при выдохе изо рта вырвалось облачко пара, забрало шлема вдруг начало запотевать изнутри.

«Ну, давай же!» – Ее измученный взгляд неотрывно следил за автономным устройством, но надежда таяла...

Строки, бегущие по крохотному экрану, исчезли. В обшивке модуля открылись технологические отверстия, оттуда начали выдвигаться гибкие, оплетенные приводами шунты, предназначенные для тестирования внешних устройств. Уровень заряда последнего накопителя резко упал, еще одна тревожная искра зажглась на ободке забрала.

«Я не выдержу...» – Мишель судорожно сглотнула. Нестерпимо хотелось жить, обжигающие слезы катились по щекам.

Прошлое таяло. Мечты, чаяния, честолюбивые амбиции юности подергивались дымкой. Она дошла до грани отчаяния и шагнула за черту. В такие минуты человек не осознает перемен, происходящих в душе и рассудке, но они необратимы. Пути назад нет.

Ее сознание боролось до последнего.

Пружинистые «лепестки» диафрагмы медленно втянулись в предназначенные им пазы. От аварийной системы жизнеобеспечения отделился автономный модуль – его выстрелило выше плеча, вслед тонкой нитью вытянулся кабель. Сферический аппарат пролетел с десятков метров и упал, взметнув песок. Его оболочка раскрылась на пять сегментов, изнутри выдвинулись тонкие, похожие на крылышки мотылька поглотители энергии.

Мишель ощутила вибрацию. К внешним разъемам ее скафандра подсоединились шунты, кабели и два прочных гофрированных шланга, рассчитанных на работу в условиях вакуума.

Внутрь поврежденной бронированной оболочки хлынул поток воздуха, несущий тепло.

Ноги подкосились. Неодолимая слабость овладела ею. Мишель не понимала, почему организм так отреагировал на помощь, пришедшую извне? Казалось, она должна испытывать ликование, смеяться, плакать, как-то выражать эмоции, но наступила глухая апатия, и она поддалась, села, привалилась плечом к борту корабля, ощущая лишь бессилие и глухую тоску.

* * *

Только спустя шесть часов, после длительного ремонта внешний модуль жизнеобеспечения приступил к перезагрузке системы ее скафандра.

Мишель уснула. Она чувствовала себя настолько одинокой, измотанной, обессиленной, что не стала сопротивляться внезапной сонливости, просто провалилась в небытие, а когда открыла глаза, вокруг царилась ночь.

Солнце ушло за горизонт, и теперь лишь зеленоватый свет стазиса озарял окрестности.

В толще проекционного забрала каскадом расположились полупрозрачные оперативные окна.

Она бегло просмотрела отчеты.

Повреждения скафандра оказались критическими. Многие удалось устранить, но некоторые узлы не подлежали восстановлению. Они в буквальном смысле могли рассыпаться, и Мишель поняла, что именно произошло с ней. Она уже сталкивалась с подобными повреждениями, возникающими в случае некорректного отключения стазиса, когда темпоральный поток расслаивался, искажался, воздействуя непредсказуемо. Одни детали утрачивали прочность, другие оставались целехонькими. На организм человека такие расслоения времени воздействовали куда губительнее, чем на технику, но в этот раз, похоже, обошлось – ее не задело, пострадала лишь экипировка.

Единственной хорошей новостью стало сообщение об активации части бортового оборудования корабля. Она получила доступ в грузовые отсеки, где могла сменить скафандр, взять кое-какие припасы и инструменты. В остальном отчеты не радовали. «Гермес» был разрушен. Он уже никогда не поднимется в космос.

Вопрос «что делать дальше?» встал перед ней с особой остротой.

Мишель выжила, но по-прежнему не испытывала радости. Ее в дрожь бросало, стоило лишь взглянуть в направлении исправно работающего сегмента стазиса и заключенной внутри поля измененного времени фигуры.

Она отчетливо понимала – выволить Родиона Ивановича не в ее силах и возможностях. По роковому стечению обстоятельств модуль ручного управления эмиттерами законсервирован.

«И каков же итог? – думала она, отключая стационарное питание. – Я осталась одна на выжженной дотла, лишенной атмосферы планете! Отремонтировать корабль невозможно. Максимум, что смогу сделать, – это загерметизировать пару грузовых отсеков, а дальше? До конца своих дней прозябать тут?»

Перспективы, нарисованные воображением, казались гнетущими.

«Но на борту есть информационное хранилище, – тут же подумала она. – Может быть, работы Стременкова, посвященные исследованиям стазиса, помогут выволить Родиона Ивановича?»

Насколько знала Мишель, Павел Аркадиевич в свое время создал на Пандоре периметр, остановивший армады чужих. Он использовал устройства армахонтов, чтобы защитить единственный человеческий город на планете.

«Может, в его трудах я найду ответ?»

На душе было тоскливо, одиноко и пусто.

* * *

Двое суток Мишель провела на борту корабля.

Грузовой отсек, ставший ее прибежищем, в качестве жилища критики не выдерживал. Здесь не предусматривалось систем жизнеобеспечения, за исключением аварийных модулей. Немного воды, еда в концентратах, разреженный воздух (защита не работала, а корпус имел микротрещины), холод ночью и жара днем – вот условия, которые предлагала сила обстоятельств.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.